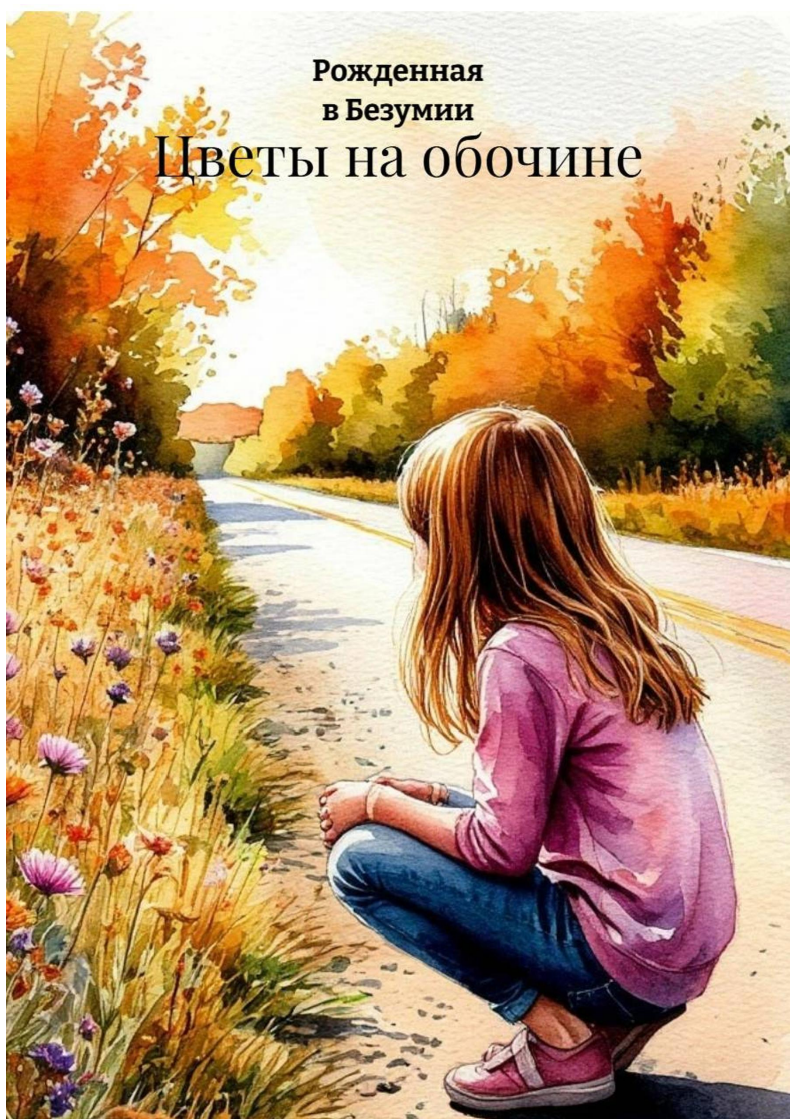

Рожденная
в Безумии
Цветы на обочине

Рожденная Безумии Цветы на обочине

<https://litres.ru/74071198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трансформация — это когда кожа грубеет от ударов судьбы, но сердце остается живым. В тринадцать лет мир Кати рухнул под звон разбитого бокала. Измена и тяжелый развод родителей сорвали счастливый фасад с их дома. Именно тогда Катя начала строить свою пластиковую броню, превращаясь из испуганного ребенка в архитектора на пепелище чужих ожиданий. В семнадцать лет её реальность, это жесткий быт, заводские смены отца, ночная пекарня мачехи и тотальное одиночество. Катя отчаянно ищет свой берег. За лесом её ждет Илья, взрослый парень, обещающий свободу и спасение из этого ада. В родном поселке остается Марк, колючий защитник, с которым можно быть настоящей. Но что делать, если манящий ковчег окажется иллюзией, а самый близкий человек снова предаст ради бутылки и солжет в лицо? Когда все воздушные замки сгорят, Кате придется сбросить броню и сделать главный выбор: продолжать бежать или наконец обрести твердую землю.

Содержание

***	4
Глава 1. Когда мир был простым	6
Глава 2. Затишье перед признанием	16
Глава 3. Дорога в Ягодную Падь	26
Глава 4. Эхо каменного овраг	34
Глава 5. Порт закрыт на сегодня	40
Глава 6. Секретная миссия	53
Глава 7. Полет над травой	60
Глава 8. Горький сахар	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Рожденная в Безумии

Цветы на обочине

За окном догорал сентябрь. Воздух стал прозрачным и холодным, а небо над крышами — высоким, пронзительно-синим. Мой маленький домик, где не было роскоши, но всегда хватало тепла, медленно наполнялся вечерними тенями.

Я сидела у окна на старом деревянном стуле, кутаясь в шаль, и смотрела, как ветер гонит по саду первые охристые листья. Позади меня, в совмещенной с кухней комнате, мерцал экран телевизора. Звук я приглушила, и в тишине отчетливо слышались сопение и тихий смех — дочка на ковре возилась с крошечным той-терьером. Собачка смешно тьякала, пытаюсь отобрать игрушку, и этот возившийся рядом комочек возвращал меня в реальность, не давая окончательно утонуть в мыслях.

А мысли зудели, требуя выхода.

Что такое трансформация? — спросила я саму себя, не отрывая взгляда от пустеющего сада. — Вы спросите — я расскажу. Вся моя жизнь соткана из них. С самого детства мне приходилось подстраиваться под обстоятельства, прощать там, где хотелось кричать, понимать тех, кто предавал,

и стоять на ногах, когда земля уходила из-под них.

Трансформация — это когда кожа грубеет от ударов судьбы, но сердце остается живым. Это когда учишься собирать себя по кусочкам из обломков чужих ожиданий. Когда перестаешь быть жертвой обстоятельств и становишься их архитектором. Даже если строить приходится на пепелище.

Но когда-то все было иначе. До того как я узнала цену выживания. До того как мир стал сложным.

Я закрыла глаза, и сухой шелест сентябрьской листвы вдруг сменился далеким, почти забытым детским смехом...

Глава 1. Когда мир был простым

Детский смех в моих воспоминаниях всегда пахнет мамиными духами «Красная Москва» и жареной картошкой. Мне тринадцать, и мир кажется огромным, но понятным. Тогда, в свои тринадцать, я еще не знала, что счастье — это очень хрупкая вещь, похожая на старый бабушкин хрусталь в серванте. Один неловкий жест, одно резкое слово — и всё разлетится на тысячи острых осколков, которые потом придется вынимать из сердца всю оставшуюся жизнь. Первая трещина прошла по нашей семье в тот вечер, под шепот прабабушки Анны. Но окончательный удар случился буднично, в обычный четверг, когда месяц испытательного срока подошел к концу. Я делала уроки на кухне, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Не так, как обычно. В этом стуке было что-то окончательное.

— Я больше так не могу, Лена, — голос отца из коридора звучал глухо, будто он говорил из-под воды. — Я устал. Я замерла, сжимая ручку так сильно, что пальцы побелели. В горле встал ком. Мама ничего не ответила. Раздался звон разбитого бокала того самого, праздничного, из которого они когда-то пили домашнее вино в нашей беседке. В ту минуту я поняла, вместе с этим стеклом разбилось моё право на детство. Я вышла в коридор и увидела маму. Она

стояла у стены, медленно сползая вниз, а на полу, среди прозрачных осколков, растекалось красное пятно. Оно выглядело как кровь.

— Мам? — тихо позвала я. Она подняла на меня глаза. В них больше не было тепла. В них поселился холодный страх, который очень скоро она начнет заливать чем-то покрепче вина... Я закрыла глаза, и сухой шелест сентябрьской листвы за окном нашего дома снова вернул меня в реальность. Трансформация началась. Я больше не была ребенком. Я стала архитектором на пепелище.

В памяти этот момент всегда всплывает одинаково, жарким маревом того самого лета. Наша маленькая деревушка, затерянная среди пейзажных холмов, казалась сошедшей с открытки, она словно обнимала зеркальную гладь озера, берега которого утопали в березовом лесу, перемешанном с редкими соснами. Этот лес всегда шумел по-особенному легко и светло, наполняя воздух запахом листвы и прогретой земли. Мы переехали в этот дом всего два года назад. Он стоял на самой окраине, просторный и светлый, четыре комнаты и огромная кухня, которая всегда казалась мне сердцем всей нашей жизни. Я вышла из прохлады коридора на веранду, щурясь от ослепительного майского солнца. Прямо перед домом, у зеленого дощатого забора, тянулась к небу молоденькая березка. Папа посадил её в ту самую первую весну, когда мы только получили ключи, и теперь её листва нежно трепетала на ветру, вторя далекому шуму леса за озером.

Сам забор был старым, местами не хватало дощечек, но это не портило вида, он казался частью самой земли. Напротив дома, через небольшую заасфальтированную парковку, стояла летняя кухня, сросшаяся с приземистым гаражом. Там всегда пахло бензином и свежим деревом. Но самое главное начиналось за калиткой, ведущей вглубь участка. Это был наш личный маленький мир. Сначала шли две теплицы, блестящие на солнце, беленая баня и пара сараек, откуда доносилось негромкое копошение живности. Рядом столярная мастерская, где папа по вечерам вытачивал что-то из кедра. Дальше тянулись бесконечные ряды кустов тяжелая черная смородина, колючая малина и грядки с сочной викторией. А за ними расстилалось картофельное поле. Всё наше семейное счастье в тот день сосредоточилось в беседке, спрятанной в тени деревьев. Там, среди аромата ягод и шума берез, мир казался незыблемым. Папа подбрасывал в воздух пятилетнего брата. Тот взлетал выше верхушек малины, раскинув руки, как маленькая птица, и его смех чистый, ничем не омраченный, колокольчиком рассыпался над нашим огородом. Папа ловил его, и в этом движении было столько силы, что казалось, он может удержать на своих плечах весь наш мир. Но когда он поставил брата на землю, я увидела, как его ладони на мгновение задержались на плечах сына. Слишком крепко. Слишком долго.

— Обедать пора, — негромко сказала мама. Она стояла в тени беседки, накрывая на стол. Мама медленно, почти

торжественно расправляла скатерть, будто этот кусок ткани был единственным, что удерживало нас всех от падения в какую-то невидимую пропасть. Она не смотрела на папу. Она смотрела на тарелки с молодой картошкой, на пучки укропа, на солнечные блики, танцующие на стекле кувшина. На всё, кроме него. Папа подошел к беседке, вытирая руки о джинсы. Он остановился у самого входа, и на секунду их взгляды все же столкнулись. Это не был взгляд любящих людей, которые делят общую радость. Это был короткий, режущий обмен вопросом и ответом, который они не решились произнести при нас. Мама на мгновение замерла, её пальцы так сильно вцепились в край стола, что костяшки побелели, а папа едва заметно, почти призрачно качнул головой.

«Нет. Еще нет», — прочитала я в этом жесте. В следующую секунду морок рассеялся. Папа громко прихлопнул комара на плече и натянуто улыбнулся, зазывая нас к столу. Мама засуетилась с чашками, и воздух снова наполнился обычными звуками звоном вилок, просьбами передать соль, разговорами о том, что в лесу за озером скоро пойдут грибы. Они старательно играли в счастливое лето. Но я уже кожей чувствовала: эта идиллия — всего лишь тонкая пленка на воде. Один неверный звук, один лишний вопрос и она лопнет. Тишину в беседке разрезал резкий скрип тяжелых ворот. Папа вздрогнул так, будто этот звук ударил его в спину. Он медленно обернулся, и я увидела, как на его шее напряглась жилка. Мама застыла с половником в руке.

— Бабуля! Баба Аня! — Тёмка сорвался с места, опрокинув табуретку. Я пошла следом, чувствуя, как внутри всё сжимается. Бабушка Ольга и прабабушка Анна Егоровна — мамина бабушка по отцу — жили за тысячи километров. Они никогда не сваливались на голову без звонка, с огромными сумками, в которых угадывалось что-то большее, чем просто гостинцы.— Ну, здравствуйте, родные! — слишком бодро воскликнула бабушка, обнимая брата. Папа подошел к ним медленно, его лицо казалось высеченным из камня. Мама уже суетилась рядом, забирая пакеты, но её пальцы дрожали, путаясь в ручках сумок.

— Мама? Бабушка? Что-то случилось? — тихо спросила она, и в её голосе было столько надежды на то, что это просто случайный визит.— Всё хорошо, Леночка, просто соскучились, — отрезала прабабушка. Она посмотрела на папу своим тяжелым, всевидящим взглядом, и я поняла: они приехали не в гости. Они приехали на пепелище, которое еще не успело задымиться. Весь день дом гудел. Мы разбирали пакеты, липкие петушки на палочках, новые машинки, книги. Папа ненадолго отлучился и вернулся из погреба с пыльной запотевшей бутылкой. Это было его фирменное домашнее вино, которое он берег годами для особых, редких случаев. Красная, густая жидкость тяжело лилась в стаканы, наполняя беседку терпким ароматом вишни. Отец поднял свой бокал, но не произнес тоста, просто молча кивнул прабабушке, и они выпили так, будто это было горькое

лекарство. Взрослые смеялись, папа принес из гаража дополнительные стулья, мама доставила тарелки, и обед превратился в шумное застолье. Казалось, тревога растворилась в запахе чая со смородиновым листом. Но я видела, как бабушка то и дело ловит взгляд папы. Как прабабушка сидит в углу беседки, сложив узловатые руки на коленях, и молча наблюдает за нами, словно запоминает каждую деталь этого дома. Когда сумерки опустились, бабушка резко встала.

— Так, мелюзга, марш в дом. Тёма, спать. Катя, проводи брата. Я хотела возразить, но бабушка посмотрела так, что спорить было бесполезно. Она заслонила собой выход из дома, как живой щит, отрезая нас от того, что должно было произойти. Там, в темноте сада, под единственной тусклой лампочкой, остались трое мама, папа и прабабушка. На столе между ними всё ещё стояла та самая бутылка, наполовину пустая, и в свете лампы вино казалось черным. Я прижалась лбом к холодному стеклу окна в детской. В беседке не кричали. Там шептались, и этот шепот был страшнее любого скандала. Я видела только силуэт прабабушки — она сидела неподвижно, как древнее изваяние, пока мир вокруг неё рушился.

— Катя, ложись, — донесся из коридора строгий голос бабушки. Она караулила у двери, не давая мне ни шанса выскользнуть на веранду. Сквозь приоткрытую форточку в детскую просачивался горьковатый запах табачного дыма и густой, тягучий шепот. Ночной воздух был неподвижен, и каж-

дое слово падало в тишину, как тяжелый камень в колодец.

— Пятнадцать лет, Сергей, — голос мамы сорвался на хрип. — И сколько из них ты жил на две семьи? Думал, я не чуяла чужих духов на твоих куртках? Не видела, как ты прятал глаза, возвращаясь из мастерской за полночь?

— Я не уходил, Лена! — взорвался отец, и я услышала, как он с силой грохнул стаканом по дубовому столу. — Я был здесь. Я строил, я пахал, я приносил каждую копейку. Я пытался сохранить этот чертов фасад, пока ты... пока ты не решила отплатить мне той же монетой. Мама горько рассмеялась, и в этом смехе было столько боли, что мне захотелось закрыть уши.

— А чего ты ждал? Что я буду вечно греть тебе ужин, пока ты развлекаешься с другой? Я тоже человек, Серёж. Мне тоже хотелось, чтобы меня видели. А теперь мы оба в грязи. И я не знаю, как нам отмыться в одной ванной.

— Вот именно, — глухо отозвался отец. — Мы оба всё разрушили. Я не понимаю, зачем нам этот дом, если в нем нет правды. Зачем мучить детей этой постановкой? В этот момент в разговор вмешалась прабабушка. Она приехала из своей далекой деревни не для того, чтобы слушать крики. Её голос прозвучал как удар хлыста — холодный и отрезвляющий. — Хватит. Раскричались, как воробьи на помойке. Думаете, вы первые, кто в своей гордыне и похоти заблудился? Один изменял из трусости, другая — из мести. Гнилое основание для развода, ох гнилое. Она пыталась их образу-

мить, задавая вопросы о будущем, о детях, о том, что нельзя вот так рушить фундамент. Родители в ответ лишь кивали, заверяя, что всё наладится, но в душе каждый из них уже подписал приговор этому браку. Они соглашались со всеми доводами только для того, чтобы прекратить этот допрос. В мыслях они были уже далеко друг от друга.

— Значит так, — отрезала прабабушка. — Завтра мы с Ольгой забираем правнуков. Сначала к ней в город, потом ко мне в деревню. На месяц. У вас будет время в этом пустом доме посмотреть друг другу в глаза, пока не вспомните, ради чего всё это строилось. Если через месяц решите, что порознь вам легче дышать — катитесь на все четыре стороны. Но этот шанс вы себе дадите. Не ради нас — ради них. В беседке повисла тишина. Слышно было только, как в траве надрываются цикады. Родители молчали, переваривая эту перспективу — остаться один на один со своей виной в пустых четырех комнатах.

— Хорошо, — первым сдался отец. — Месяц.

— Месяц, — эхом отозвалась мама. Я отошла от окна и нырнула под одеяло, чувствуя, как внутри всё заледенело. Нас увозят. Сначала в городскую тесноту к бабушке, потом в далекую глушь. А дом останется им папе и маме, которые вдруг стали какими-то чужими друг другу. Я лежала в темноте, уставившись в потолок, и перед глазами всплывал вечер недельной давности. Тогда я впервые по-настоящему испугалась. Я сидела у себя, заканчивала школьный проект, кле-

ила модель ракеты из картона. Родители думали, что я давно сплю, но в комнате горела настольная лампа, а я старалась не шуметь. И вдруг тишину дома разрезал крик. Не просто громкий разговор, а страшный, надрывный звук, от которого у меня перехватило дыхание. Мама что-то выкрикивала папе, он отвечал ей так же громко, их голоса путались и гудели, как во время грозы. Потом что-то тяжело рухнуло. Звук упавшего стула заставил меня подскочить. Я бросилась на веранду, распахнула дверь и замерла, вытирая кулаком слезы

— Папа... почему ты кричишь на маму? Отец обернулся резко, его лицо было таким сердитым, что я его почти не узнала.

— Иди в дом! — рявкнул он, и я отшатнулась. Но тут же его плечи опустились. Он посмотрел на мои заплаканные глаза, на пальцы, испачканные в клее, и его голос стал совсем тихим и очень уставшим.

— Извини, Кать... Иди ложись. Мы не ругаемся, просто... просто спорим. Иди, это больше не повторится, обещаю. Мама тогда стояла у окна, закрыв лицо руками. Они оба говорили, что всё в порядке, но ракета в моей комнате так и осталась недоделанной, я больше не могла ничего клеить, когда видела, как всё ломается. Теперь, слушая их шепот в беседке, я понимала, папа не сдержал обещание. Я хотела поехать к прабабушке, ведь привыкла каждое лето проводить у нее, у меня там были друзья, но мне было до тошноты страшно оставлять их здесь вдвоем. Я не понимала всех этих взрос-

лых слов, которые они говорили, но всем телом чувствовала, за этим коротким словом месяц скрывается что-то пугающее, из-за чего наша жизнь может никогда не стать прежней.

Глава 2. Затишье перед признанием

Утро началось подозрительно нежно. Солнце золотило края кружевных занавесок, а в воздухе плыл густой, почти приторный аромат маминых оладий. Весь наш дом в то утро казался декорацией к какому-то идеальному фильму, но я уже кожей чувствовала за этими декорациями пустота. Дом дышал спокойствием, но это спокойствие было хрупким, как тонкий лед. Папа уже вовсю хозяйничал во дворе. Через открытое окно я слышала глухие хлопки багажника, мягкий рокот мотора нашей машины и шуршание гравия под его тяжелыми ботинками. Папа готовил машину к долгой дороге с какой-то пугающей дотошностью. Он проверял каждую мелочь, каждую сумку укладывал так, словно от этого зависела жизнь. В каждом его движении чувствовалась скрытая, щемящая забота, за которой он прятал неспособность посмотреть нам в глаза. Мама накрывала на стол. Она двигалась плавно, почти бесшумно, стараясь не спугнуть это мирное утро.

— Тёмка, мой руки и садись скорее, — позвала она, и в её голосе звенела привычная мягкость, но я заметила, как она на секунду замерла у раковины, глядя в никуда. Тёмка был

счастлив. Он возился на ковре с Бетховеном, нашим огромным угольно-черным котом. Бетховен в своих белых носочках на лапах и с белым галстуком на груди всегда напоминал мне важного господина, который случайно забрел в наш дом. Тёмка осторожно гладил его пушистое пузо, а кот довольно щурился, лениво перебирая лапками в воздухе. Они оба не знали, что это утро, последнее в их привычном мире. Я сидела в своей комнате, сжимая в руках карандаш. Я еще не знала, почему нас так спешно собирают к бабушкам на месяц, но интуиция кричала, родителям сейчас нужна зацепка. Какое-то доказательство, что мы всё еще семья. Я бережно дорисовывала открытку. На плотной бумаге расцвел наш сад, и мы все вчетвером стояли у крыльца, просто рядом, просто вместе. Я аккуратно вывела в углу, «Любимым маме и папе, чтобы не скучали». Эта бумажка казалась мне магическим щитом, который сможет удержать их от того, что они задумали. В гостиной бабушки вели свой тихий, но напряженный спор.

— Оля, у меня в деревне воздух — как парное молоко, — убеждала прабабушка, поправляя платок. — Детям нужно заземлиться, побегать босиком по росе.

— Мама, ну какая деревня сразу? — настойчиво возражала бабушка. — У меня отпуск, я уже билеты в цирк купила, и в зоопарк мы с Тёмкой собирались. Пусть сначала побудут в городе у меня, а потом уже к тебе, в твою Ягодную Падь. Мы с Тёмкой слушали это как начало большого приключения.

Куда именно нас везут и, главное, почему оставалось за кадром. Для нас это были просто внезапные каникулы, подарок судьбы посреди лета.

— Всё, завтракаем! — громче позвала мама. Папа зашел в дом, оставляя пыльные ботинки у порога. Половицы скрипнули под его весом. Он подошел к маме и на мгновение коснулся её плеча. Этот привычный, теплый жест на секунду заставил меня выдохнуть. Лед внутри начал подтаивать. Они шутили, подкладывали нам лучшие кусочки омлета, обсуждали погоду. Они играли свои роли идеально, создавая для нас безопасный кокон. Тёмка весело болтал ногами под столом, предвкушая поездку.

— Ну что, — папа поднял кружку с чаем, глядя на притихшую меня и сияющего брата. Его голос стал чуть серьезнее. — Настало время рассказать вам, куда мы путь держим и почему в этот раз поедете только вы. В кухне воцарилась особенная, звенящая тишина. Мама замерла с чайником в руках. Тёмка застыл с ложкой во рту. — Пап, а куда мы всё-таки едем? Мы на море? Папа на секунду замялся, вертя в руках пустую чашку, но мама тут же перехватила инициативу. Она подошла к Тёмке, ласково взъерошила его вихор.

— У папы сейчас в мастерской очень важный заказ, малыш, нужно много работать. А мне нужно уехать по делам. Поэтому вы побудете у бабушек. Это же целое приключение! Я снова насторожилась. Слова про дела никак не вязались с тем ночным шепотом в беседке, который я случайно подслу-

шала накануне. Я внимательно смотрела на мамины пальцы, они нервно поглаживали край скатерти, вырисовывая невидимые круги.

— Мам, пап... — тихо позвала я. — У вас точно всё хорошо? Вы ведь не ссоритесь? В кухне стало так тихо, что я услышала, как в саду поет какая-то ранняя птица. Родители переглянулись. В этом быстром взгляде было столько боли и усталости, что мне на мгновение стало не по себе. Но в следующую секунду мама звонко рассмеялась, а папа уверенно накрыл её руку своей.

— Ну что ты, Катюш! Конечно, всё хорошо, — заверил отец, и его голос звучал так твердо, что мне очень захотелось ему верить. И я поверила. Я снова почувствовала себя маленькой девочкой под защитой этих стен. Тревога отступила, уступая место ожиданию дороги. Папа закрыл тяжелую дверцу машины. Глухой звук хлопка поставил жирную точку в этом утре. Машина медленно тронулась, шурша шинами по гравии. Тёмка сразу прилип к стеклу, оставляя на нем отпечатки ладошек и отчаянно махая маме. Я тоже махала, пока наш уютный одноэтажный дом не скрылся за поворотом, утопая в зелени сада. Я еще не знала, что вернусь сюда уже совсем другим человеком. Город встретил нас плотным, нагретым за день воздухом и бесконечным гулом машин, который после тишины нашего сада казался оглушительным. Едва папа скрылся из виду, я сразу почувствовала, как пыль оседает на губах. Бабушка, подхватив наши сумки, уверенно

зашагала в сторону серых пятиэтажек, а мы с Тёмкой едва поспевали за её широким шагом. Квартира бабушки находилась в старом доме с высокими потолками и скрипучими деревянными дверями в подъезде. Это была обычная двухкомнатная квартира, но с очень необычным уставом. Бабушка официально снимала здесь большую комнату у дяди Коли, человека широкой души и такой же широкой неопределенности в жизни. Дядя Коля встретил нас прямо на пороге. Он сиял доброй, чуть виноватой улыбкой, а в воздухе вокруг него витал едва уловимый, но характерный аромат праздника, дядя Коля любил заглянуть в бутылочку, но делал это как-то тихо и беззлобно.

— О, приехали шпингалеты! — пробасил он, вытирая огромные ладони о несвежие штаны. — Ну, проходите, гости дорогие. Бабуля ваша уже всё тут переставила, скоро меня самого в кладовку выселит. Не привычно выудил из глубокого кармана горсть помятых карамелек и протянул Тёмке. Брат тут же расплылся в улыбке, вгрызаясь в конфету, а я осторожно переступила порог. Внутри квартира представляла собой странное зрелище. Было совершенно непонятно, кто здесь настоящий хозяин. С одной стороны территория дяди Коли, с его старыми рыболовными снастями в углу и вечно работающим на фоне телевизором. С другой бабушка умудрилась заселить это пространство своими кружевными салфетками, которые теперь лежали на всех тумбочках, и идеальной чистотой. На кухне всегда пахло её домашней

выпечкой или жареной картошкой, полностью забивая запах старого табака, исходящий из комнаты хозяина. Дядя Коля в этом доме был кем-то вроде большого, послушного ребенка. Он безотказно чинил всё, что ломалось, таскал тяжелые сумки и покорно выслушивал бабушкины наставления о вреде алкоголя.

— Коля, ну посмотри на свои ботинки! — выговаривала она ему, пока мы разбирали вещи. — Грязь же в дом тащишь! Огурцы на рынке купил?— Купил, Оля, купил... — гудел он из своей комнаты.

— И хлеба взял, самого мягкого, как ты просила. Я смотрела на этот странный союз и не понимала, как они уживаются. Бабушка царила на кухне и в коридоре, дядя Коля ютился в своей маленькой комнате, но при этом казался абсолютно счастливым. Нам с Тёмкой выделили вторую комнату, ту самую, которую бабушка отвоевала у быта. День пролетел в суете. Бабушка, словно пытаясь завалить нас радостью, чтобы мы не успели опомниться и начать задавать вопросы о родителях, сразу потащила нас в парк. Она накупила горы продуктов, сочных фруктов, ярких йогуртов и целую корзину сладостей, которые дома считались роскошью. В самом центре парка лениво плескался фонтан, рассыпая вокруг радужную пыль. Тёмка тут же умчался к горкам, влившись в толпу сверстников, а я осталась у края площадки. Я смотрела на бабушку. Она сидела на скамейке, поправляя панамку Тёмке механическими движениями, а когда думала, что я не

смотрю, её лицо мгновенно гасло. Она становилась серой и осунувшейся, подолгу глядя в одну точку. Эта её внезапная тишина пугала меня сильнее любого крика. Она словно несла в себе какую-то тяжелую, невидимую ношу, которую изо всех сил старалась не уронить перед нами.

— Бабуль, — тихо позвала я, присаживаясь рядом. — А мама... она звонила? Бабушка вздрогнула, поправила очки и тут же натянула на лицо привычную маску бодрости. — Звонила, Катюш, конечно звонила. Сказала, работают они. Просили, чтобы вы не скучали и слушались меня. Завтра вот в зоопарк пойдем, тигров смотреть! Ты же любишь тигров? Я кивнула, но внутри снова кольнуло. Текст был заученным. Ложь взрослых стала в этом городе плотнее, чем смог над дорогами. Вечером, когда мы вернулись в квартиру, дядя Коля уже спал, тихо похрапывая в своей комнате. Бабушка отправила нас в душ, выдала идеально чистые полотенца, пахнущие лавандой, и проследила, чтобы мы съели по огромному куску пирога. Перед сном она зашла к нам в комнату. Никаких поцелуев в макушку, бабушка не была из тех, кто рассыпается в нежностях. Она просто коротким, точным движением подтянула одеяло у Тёмки и проверила, закрыта ли форточка.

— Спите. Завтра в семь подъем, трамвай ждать не будет, — бросила она и закрыла дверь. Я лежала в темноте, слушая незнакомый гул города за окном. В этой комнате, среди чужих вещей и бабушкиных салфеток, я чувствовала себя

как в зале ожидания. Рельсы нашего приключения вели нас дальше и дальше от дома, и я всё чаще думала о том, что настоящий хозяин в этой жизни не дядя Коля и не бабушка, а тот самый телефон на тумбочке в коридоре, который сегодня так и не зазвонил по-настоящему. Следующие два дня превратились в цветной калейдоскоп, которым бабушка старательно загораживала от нас реальность. Сначала был зоопарк. Огромный сосновый бор прямо посреди мегаполиса. Тёмка в восторге прилип к стеклу вольера с амурскими тиграми, а я смотрела на мощного зверя и видела в его холодном, янтарном взгляде ту же тоску, что порой проскальзывала у бабушки. Мы долго стояли у стерхов — белых журавлей. Они расхаживали по траве на своих тонких, хрупких ногах и издавали трубный, тоскливый крик.

— Они как будто плачут, баб, — тихо сказала я, прижимая к себе рюкзак. Бабушка только резким движением поправила очки. — Птицы не плачут, Катя. Они просто обозначают свою территорию. Ешь яблоко и не выдумывай. Но я видела, как её лицо мгновенно гасло в паузах между нашими восторгами. Она словно выполняла план по счастливому детству, ставя галочки напротив каждого пункта мороженое есть, тигры есть, прогулка на трамвае есть. Потом был цирк. Купол, похожий на перевернутую чашу великана, и оглушительный туш оркестра.

Тёмка вцепился в свой новый светящийся синий меч, замирая каждый раз, когда акробаты взлетали под самый ку-

пол. В облегающих костюмах, расшитых тысячами пайеток, они сияли, как далекие звезды. Я смотрела на них и чувствовала, как весь мой страх, вся горечь последних дней растворяются в этой феерии света. На пару часов я снова стала просто маленькой девчонкой, у которой главная забота успеть доесть попкорн до начала второго отделения. Когда представление закончилось, мы вышли в розовые вечерние сумерки. Город зажигал огни, и всё вокруг казалось декорацией к сказке. Мы снова заняли места в ярко-красном трамвае. Тёмка, разомлевший от впечатлений, привалился к моему плечу, а я прижала к себе фигурку белой лошадки — сувенир, который должен был стать доказательством, что этот день был на самом деле. Бабушка сидела напротив, положив руки на свою неизменную сумочку. Она смотрела на нас поверх очков, и в уголках её губ таилась несвойственная ей мягкость. Она не исправляла Тёмку, когда тот называл тигра медведем, позволяя этому хрупкому миру расцветать прямо здесь, на дерматиновых сиденьях. Но стоило нам вернуться в квартиру, как праздничная завеса опустилась. В полумраке коридора на тумбочке тускло поблескивал корпус телефона. Мой личный враг.

— Бабуль, а завтра? — сонно пробормотал Тёмка, засыпая на ходу. — Завтра мы опять куда-нибудь поедем? В планетарий? Там же звёзды! Бабушка вздохнула, открывая дверь своим звонким ключом.

— Завтра, Артём, у нас домашний день. Нужно пыль разо-

гнать и дяде Коле с полками помочь. А послезавтра... послезавтра, как и договаривались, поедем к прабабушке в деревню. Там воздух чище, да и помощники ей нужнее. Я переступила порог и сразу почувствовала, как городская суета осталась за дверью. Это пугающее послезавтра и далекая деревня отозвались во мне странным чувством. Мы уезжали еще дальше от дома, еще глубже в ту неизвестность, которую взрослые так настойчиво называли обычным месяцем. Я прошла в ванную, умылась прохладной водой и долго смотрела на свое отражение. Впереди была Ягодная Падь, тишина озера и мудрые глаза бабы Ани. Но сегодня я засыпала под гул города, чувствуя, как рельсы нашего приключения неумолимо уводят нас туда, где на вопросы о родителях уже не ответишь прогулкой в зоопарк.

Глава 3. Дорога в Ягодную Падь

Утро выдалось прохладным и туманным. Город еще только потягивался, зажигая редкие желтые квадраты окон в многоэтажках, а в квартире бабушки уже всю кипела жизнь. Тихий звон ложек о края чашек, шуршание плотных дорожных сумок и сосредоточенный шепот всё было подчинено строгому ритму отъезда.

— Так, проверьте карманы, — командовала бабушка, затягивая узлы на сумке с городскими гостинцами. — Ничего не забыли?

Верхнекаменск — город большой, в Ягодной Пади потом не купишь, если что-то важное оставили. Я натянула ветровку и вышла на цыпочках в коридор. Дядя Коля, сонный и взлохмаченный, вышел проводить нас к дверям и всучил Тёмке в дорогу целый пакет сахарных сушек. На остановку вышли, когда небо на востоке только начало окрашиваться в нежно-розовый цвет. Улицы города были пустынные, лишь редкие дворники шаркали метлами по асфальту, выметая вчерашнюю пыль из-под бордюров.

— Наш, — коротко бросила бабушка, когда из утренней дымки, тяжело переваливаясь на выбоинах, показался старый, пыльный междугородний автобус. Он затормозил со свистом, обдав нас резким запахом солярки и нагретых шин.

В Ягодную Падь ходил только этот единственный рейс, раз в сутки, и мест в нем всегда было в обрез. Бабушка решительно подтолкнула нас к дверям, и мы втиснулись в салон, где уже густо пахло сеном, какими-то саженцами в мешках и старой, потрескавшейся кожей сидений. Автобус дернулся и медленно покатился прочь от центральных улиц. Я прижалась лбом к холодному стеклу. Городские кварталы постепенно редели, сменяясь унылыми промзонами, а потом и вообще растворились в бесконечных полях и густых перелесках.

— Долго ехать, баб? — сонно спросил Тёмка, устраиваясь поудобнее на мягкой сумке. — Часа два, если дорога сухая и трактор в колею не застрянет, — ответила бабушка, раскрывая книгу в строгом переплете.

— Спи пока. В Пади выспитесь разве что под кукареканье петухов. Я смотрела, как мимо пролетают верстовые столбы и редкие березовые рощи. Верхнекаменск с его огнями, цирком и уютным трамваем оставался позади, становясь просто воспоминанием. Впереди ждала неизведанная Ягодная Падь, прабабушка и тишина, от которой мне одновременно было и спокойно, и немного не по себе. Автобус, тяжело подпрыгнув на последней кочке, наконец замер. Двери с шипением распахнулись, и я первой вышла на пыльную обочину, зажмурившись от яркого солнца. Прямо перед нами открылся вид, от которого у меня перехватило дыхание. Через дорогу от остановки возвышалась огромная белая церковь с тремя золотыми куполами, которые так осле-

пительно сияли на фоне ярко-синего неба, что казались парящими в воздухе. Звон колоколов густой и торжественный, плыл над всей округой, перекрывая рокот уезжающего автобуса. Сам вокзал в Ягодной Пади был на удивление статным и красивым, совсем не похожим на обычные деревенские станции. Это был большой каменный узел, где встречались и пыльные автобусы из разных городов, и редкие поезда, чей гул иногда доносился из-за леса. Дорога здесь была сельской, утрамбованная земля с редкими островками гравия, но жизнь на вокзале кипела не меньше, чем в городе. Вдоль длинной платформы, в тени навеса, выстроились в ряд деревянные прилавки. Там сидели местные бабушки в пестрых платках, хранительницы деревенских сокровищ. Воздух здесь был пропитан такими запахами, что у Тёмки тут же заурчало в животе.

— Пирожки! С пылу, с жару! С картошкой, с капустой, с лесной ягодой! — нараспев зазывали торговки. Тут же стояли тяжелые стеклянные банки с молоком, на которых осели капли росы, горшочки с густым медом и целые круги домашнего сыра. В небольших бидонах белели свежайшие сливки, такие густые, что в них, казалось, могла стоять ложка. Я заметила, как бабушка кивнула одной из женщин.

— Наша-то, прабабушка Анна, тоже здесь иногда стоит, — шепнула она нам. — Когда урожай девать некуда или меда много. Это место у нас — самое сердце Пади. Здесь все новости узнают раньше, чем в газетах напишут. Тёмка уже тя-

нул бабушку за рукав к прилавку с пирожками, а я всё смотрела на три золотых купола. Мне казалось, что эта церковь охраняет вход в наш новый мир, где пахнет медом и сливками, а время течет медленно, как река в жаркий полдень. Оставив позади вокзальную суету и сияющие купола церкви, мы двинулись по широкой сельской улице. Пыль под ногами была мягкой и теплой, а вдоль заборов густо разрослась крапива и золотые шары ив.

— С пустыми руками в дом входить негоже, — рассудила бабушка, поправляя на плече тяжелую сумку. — Зайдем в сельмаг, возьмем к чаю чего-нибудь свежего. Магазин в Ягодной Пади располагался в приземистом кирпичном здании с тяжелым крыльцом. Внутри пахло смесью свежего хлеба, резиновых сапог и хозяйственного мыла. Я замороженно смотрела на стеклянные витрины, где в больших коробках лежало печенье к чаю и россыпи разноцветных леденцов в шуршащих фантиках. Пока бабушка деловито выбирала килограмм конфет и пачку овсяного печенья, дверь магазина со скрипом отворилась. В проеме показался рослый, крепкий мужчина в выцветшей штормовке и высоких сапогах. Его лицо, иссеченное морщинами-лучиками, тут же озарилось широкой улыбкой, как только он увидел нашу компанию.

— Оля! Неужто приехали? — пробасил он, и голос его, густой и добрый, заполнил всё пространство магазина. Это был дед Ваня — бывший муж бабушки Ольги и мой дедушка

по материнской линии. Между ними с бабушкой давно не было обид, только старое, спокойное уважение.

— Приехали, Иван, приехали, — кивнула Ольга, хотя в её голосе проскользнула привычная строгость. — Вот, внуков привезла на постой к матери твоей. Дед тут же подхватил самые тяжелые сумки, будто они ничего не весили.

— Ну-ка, шпингалеты, давайте знакомиться заново! Тёмка, ну ты и вымахал, настоящий мужик растет! Он легко подхватил притихшего от неожиданности Тёмку и посадил его себе на закорки. Мальчишка вцепился в дедовы плечи, и его глаза восторженно заблестели, с такой высоты мир казался еще интереснее. Мы пошли через местный парк — густой, тенистый массив старых тополей и берез, который отделял центр деревни от жилых домов. Здесь было прохладно, а под ногами хрустели прошлогодние ветки.

— Ну, рассказывайте, как там ваш Верхнекаменск? — расспрашивал дедушка, бодро вышагивая с Тёмкой на плечах. — Все так же дымит трубами? А у нас тут тишина, рыба в озере так и плещет, ждет, когда мы с тобой, Тёмыч, за ней придем. Я шла рядом, неся пакет с конфетами. Мне было странно и в то же время удивительно спокойно видеть, как этот большой, сильный человек так просто и естественно влился в нашу компанию. Дедушка казался частью этой земли, такой же надежной, как те самые сосны в бору.

— Вон уже и крыша материнская видна, — он кивнул в сторону добротного дома в конце аллеи. — Анна Егоров-

на с утра на крыльце дежурит, всё глаза проглядела. Дом прабабушки возник перед нами как старый добрый великан, укрывшийся в тени высоких деревьев. Это было удивительное, по-деревенски мудрое строение, всё здесь и жилые комнаты, и хозяйство было объединено под одной огромной, надежной крышей. Мы подошли к сетчатому железному забору, сквозь который был виден весь просторный двор. Ворота, выкрашенные в небесно-голубой цвет, ярко выделялись на фоне сочно-зеленых стен самого дома. У этих ворот, на старой деревянной лавке, уже сидела прабабушка. Она заприметила нас еще издали, поправила платок и, опершись на палку, медленно поднялась навстречу.— Дождалась, негромко, но отчетливо произнесла она, и в её глазах, окруженных сеточкой добрых морщин, блеснула радость. Деда ссадил Тёмку на землю, открыл калитку, и мы вошли во внутреннее царство. Здесь всё было устроено с умом. Сначала шла крытая парковка, где пахло сухим деревом и старым железом. Слева, чуть в глубине, темнел сруб бани, а справа манил открытый проем, ведущий в огород. Там же, под общей крышей, примостились сарай и дровник с аккуратными поленищами. Я переступила порог дома и сразу оказалась на просторной кухне, которая была сердцем жилища. Навстречу нам, лениво потягиваясь, вышла Мурка, трехцветная кошка, считавшая себя полноправной хозяйкой этих трех комнат. Она потерлась о мои ноги, признавая во мне свою, и Тёмка тут же присел, чтобы погладить её пеструю шерстку. Но была в

этом доме и запретная зона. За основными комнатами, сразу после сеней, шла прохладная веранда с дверью в чулан. Та дверь всегда была прикрыта, скрывая крутую лестницу, ведущую на темный чердак, место, куда детям ходить строго-настрого запрещалось. А за верандой скрывался еще один дровник и туалет. Там, в полумраке под крышей, несла службу большая черная собака. Я и Тёмка её почти не знали и честно побаивались, поэтому в ту часть дома старались не заглядывать. Огород для нас начинался через другую, безопасную дверь, мимо сарая.

— Ну, проходите, проходите, — засуетилась прабабушка, приглашая нас к столу. — Ваня, сумки на лавку ставь. Оля, присаживайся. Сейчас чай заварим с душицей, пироги из печи достанем. В доме пахло сушеными травами, свежим хлебом и чем-то очень древним, уютным. Я смотрела, как солнечный зайчик прыгает по зеленой стене кухни, и чувствовала, здесь, под этой огромной крышей, нас никто не найдет. Здесь время замирает. Обед в доме прабабушки всегда был похож на маленький пир. В центре стола высилась огромная гора горячих, сочных беляшей, таких пузатых и ароматных, что у Тёмки глаза разбежались. Рядом теснились тарелки с пирожками с картошкой и капустой, еще хранившими жар русской печи. Воздух в кухне стал плотным от запаха жареного теста и свежесваренного чая. Дед, с аппетитом расправляясь с беляшом, довольно крякнул и подмигнул мне.

— Ну что, молодежь, обживайтесь. Я вот через пару дней

ласточку свою подшаманю — она мне еще от прадеда вашего досталась, зверь-машина! — и рванем в бор. Гриб пошел знатный, мешками возить будем. При упоминании деда Василия в комнате на миг стало тише. Все помнили, как он ушел, тихо в свой собственный день рождения, всего через год после золотой свадьбы. Его ласточка, старый верный автомобиль, теперь стояла в гараже как живое напоминание о человеке, который умел строить на века. Бабушка сидела чуть в стороне от общего веселья. Она неспешно пила свой крепкий кофе из маленькой чашки, городская привычка которую она привезла с собой в Ягодную Падь. Допив, она аккуратно поставила чашку на блюдце и поднялась.— Ну, Анна Егоровна, Иван, оставляю их на вас, — голос её дрогнул, но она тут же взяла себя в руки.

— Катя, приглядывай за братом. Тёмка, слушайся старших. Послезавтра постараюсь к вам приехать, а пока — не озоруйте. Прощание было коротким. Бабушка обняла нас, пахнувших домом и пирогами, и быстро вышла за голубые ворота. Я смотрела ей вслед через сетку забора, пока её строгая фигура не скрылась за поворотом парка. Верхнекаменск окончательно остался где-то там, за горизонтом, а здесь начиналась совсем другая жизнь. Когда шум бабушкиных шагов стих, дедушка хлопнул ладонями по коленям.

— Ну, разбаловались и хватит! Пойдемте-ка, покажу вам, где удочки стоят.

Глава 4. Эхо каменного овраг

Ягодная Падь медленно просыпалась, окутанная утренним туманом, который потихоньку сползал к озеру. Я открыла глаза и первым делом почувствовала запах, который нельзя было спутать ни с чем, прабабушка уже вовсю хлопотала у печи, и по дому плыл аромат свежеиспеченных сдобных булочек.

— Проснулись, сони? — донесся с кухни её тихий, певучий голос. — Живо умываться, вода в рукомойнике ледяная, мигом взбодрит! Во дворе, под навесом, уже слышалось знакомое позвякивание ключей и приглушенное ворчание — это дедушка зарылся под капот своей Ласточки. Сегодня машина капризничала, и дед, вытирая лоб замасленной ветошью, твердо решил, пока не вылечит её, ни в какой бор они не поедут. Тёмка, наскоро плеснув водой в лицо, уже сидел перед телевизором, замороженно глядя на приключения мультяшных героев. Я устроилась рядом, жуя еще горячую булку, но мысли мои были не на экране.

— Баб, — позвала я, когда прабабушка зашла в комнату смахнуть пыль. — А Машка приехала? — Приехала, как не приехать, — улыбнулась Анна Егоровна. — Вчера только её видела у колодца. Бледненькая такая, видать, замучили девку в этом её лицее. Всё пианино да рисунки, а на улице и

не видать. Иди позвони ей, она как раз дома должна быть. Я встрепенулась. Машка была моей самой близкой подругой по лету. Мы познакомились три года назад, когда я случайно забрела в малинник на окраине и увидела там девочку в накрахмаленном белом платье. Она с серьезным видом пыталась рисовать кусты в альбоме, пока сверстники носились с палками по улице. Я тогда подошла, молча протянула ей горсть сочной виктории, и с тех пор мы стали неразлучны. Две противоположности, я вольная, привыкшая к просторам Тихого Дола, и Маша интеллигентка из лица, для которой Ягодная Падь была единственным местом, где можно было просто бегать босиком, не думая о гаммах и диктантах.

— Можно я с домашнего позвоню? — я уже тянулась к тяжелому аппарату, стоявшему на комодe. — Звони, конечно, — кивнула прабабушка. — А мы с Тёмкой в огород пойдём. Пора вишню обирать, да и виктория уже на солнце бока напекла, того и гляди отойдет. Тёмыч, бери ведро, помощник! Тёмка с энтузиазмом подхватил пластиковую емкость, и они скрылись за дверью, ведущей в сад. В доме стало тихо, только из-под капота Ласточки доносилось мерное тук-тук деда Вани. Я сняла трубку, услышала длинный гудок и начала набирать знакомый номер, чувствуя, как внутри приятно подрагивает от предвкушения разговора. Трубку на том конце провода сняла баба Вера, бабушка Маши. Её голос, немного надтреснутый, но узнаваемый, сразу согрел меня.

— Вера Степановна, здравствуйте! Это Катя, внучка Ан-

ны Егоровны. А Маша дома? — спросила я, невольно приглаживая волосы, будто подруга могла меня видеть. — Катюша! Здравствуй, милая. Дома она, где ж ей быть. Сейчас позову, — отозвалась баба Вера. Через секунду в трубке раздалось радостное сопение, а потом и звонкий голос Маши. Мы засыпали друг друга новостями, перебивая и смеясь. Маша вкратце пожаловалась на бесконечные гаммы в лицее и строгий надзор родителей, а я на тишину Верхнекаменска, которая наконец-то сменилась родными звуками Ягодной Пади.

— Слушай, Кать, давай встретимся! — предложила Маша. — Только меня дальше забора баба Вера не пускает, говорит, нечего по деревне пыль бить. Но она разрешила нам прямо возле ограды посидеть, на лавочке. Прибежишь?

— Конечно! Прямо сейчас и прибегу! — воскликнула я. Положив трубку, я вылетела на крыльцо.

— Баб, можно я к Маше сбегаю? Она у бабы Веры, мы только возле забора посидим! — Беги, егоза, — отозвалась прабабушка из глубины огорода, где они с Тёмкой уже начали собирать первую вишню.

— Только к обеду возвращайся! Я пулей пролетела через голубые ворота и помчалась по знакомой улице. Машин дом стоял чуть поодаль, окруженный пышными кустами сирени. Прямо напротив дома была старая песочница, заросшая по краям подорожником, наше излюбленное место еще с тех времен, когда мы были совсем маленькими. Маша уже ждала меня, вцепившись тонкими пальцами в железную сет-

ку забора. На ней было всё то же белое платье, которое казалось слишком нарядным для деревенской пыли, но на лице сияла самая настоящая улыбка.

— Привет! — закричали мы хором, и я, добежав, первым делом плюхнулась на лавочку, переводя дух. Две подруги сидели на старой скамье у забора, а между нами, как невидимая граница, тянулась железная сетка. Маша выглядела точь-в-точь как в прошлом году, аккуратная, с тонкими запястьями, но в глазах у неё уже прыгали озорные деревенские искорки, которые в лицейском Верхнекаменске ей приходилось прятать.

— Ну, рассказывай! — Маша нетерпеливо подалась вперёд. — Ты в городе у бабушки долго была? Мы там с мамой в парк ходили, я тебя высматривала, но разве в такой толпе найдешь...

— Целую неделю! — махнула я рукой. — В зоопарке были, в цирке... Там весело, конечно, но всё по часам. Бабушка, ты же её знаешь, завтрак в семь, уборка в восемь. Маша сочувственно вздохнула.

— Ой, как я тебя понимаю. У меня весь май сплошные гаммы. Пальцы до сих пор пианино помнят. Мама сказала, в Ягодную Падь отпустит, только если всё сдашь на отлично. Вот я и здесь. Правда, ненадолго... Мы через неделю в город уедем на три дня, там у папы какие-то дела важные, а потом обратно сюда, до самого конца лета! — А я на целый месяц, — я невольно понизила голос, вспоминая слова прабабушки

про срок.

— Родители... в общем, они решили, что нам с Тёмкой здесь лучше будет. Пока они там свои дела в Тихом Доле улаживают. Маша понимающе кивнула, не задавая лишних вопросов в нашей дружбе всегда было это негласное правило не лезть в душу, пока сами не откроют.

— Слушай, Маш, — оживилась я, переводя тему. — А помнишь тех пацанов с соседней улицы? Ну, Кольку и Сашку? И сестру их, Ленку? Я хочу к ним сбегать, как только дед Ваня Ласточку починит. Ленка в прошлом году обещала показать место, где самая крупная земляника растёт, помнишь?

— Помню! — Маша радостно захлопала в ладоши. — Колька еще тогда лягушку мне в карман подложил, я чуть с ума не сошла. Они вроде уже здесь, я видала, как они на озеро с удочками бегали. Давай, как только я вернусь из города, соберемся все вместе? Устроим костер на берегу?

— Обязательно! — я вскочила со скамьи, полная решимости. — Я еще хочу Ленке альбом свой показать, я в городе новые карандаши купила. Мы такие картины нарисуем — дедушка ахнет! Мы проболтали еще добрых полчаса, строя грандиозные планы на этот месяц, от походов за грибами до строительства шалаша в малиннике. Солнце припекало всё сильнее, и я поняла, что пора возвращаться, прабабушка и Тёмка, наверное, уже наполнили ведра ягодой.

— Ладно, Маш, побегу я! А то Тёмка там всю викторию

без меня съест. Завтра или послезавтра увидимся?

— Завтра! Приходи прямо с утра, я буду гаммы делать у открытого окна, чтобы ты слышала, когда я освобожусь!

— Маша помахала рукой, и её белое платье мелькнуло за кустами сирени. Я припустила по пыльной дороге обратно к зеленому дому, чувствуя, как внутри всё поет. Это лето, начавшееся так странно и холодно, в Ягодной Пади наконец-то стало обретать цвета и запахи настоящих каникул. Когда я запыхавшись, завернула за угол, то увидела уютную картину, у голубых ворот на лавочке восседала прабабушка в компании соседки бабы Шуры. Они неспешно перемывали косточки деревенским новостям, а Тёмка крутился рядом, перепачканный вишневым соком по самые уши. Вокруг них по пыльной дороге уже вовсю носились местные мальчишки, братья-соседи, чьи огороды примыкали к участку прабабушки через ту самую железную сетку. Я их знала много лет, вечно шумные, босые и готовые на любую авантюру.

— О, Катька пришла! — закричал старший из них. — Чур, ты водишь! В салки играем! Я, забыв про усталость, тут же включилась в игру. Пыль взметалась столбом, Тёмка визжал от восторга, пытаясь убежать от засаливания, а бабушки на лавке только посмеивались, прикрываясь ладонями от солнца.

Глава 5. Порт закрыт на сегодня

Но через пятнадцать минут игра вдруг замедлилась. Со стороны соседнего переулочка показалась еще одна компания, подошла тетя Валя, а за ней шагали двое её внуков, которые только вчера приехали из города.

Я замерла, поправляя выбившуюся прядь волос. Старшему, Диме, было уже семнадцать, он казался совсем взрослым, серьезным и смотрел на нашу беготню свысока. А вот второму, Денису, исполнилось пятнадцать.

И именно в Дениса я была тайно, до дрожи влюблена еще с прошлого лета.

Он изменился, раздался в плечах, голос стал чуть грубее, а на лице играла та самая полуулыбка, от которой у меня внутри всё переворачивалось. Я тут же напустила на себя самый равнодушный вид, стараясь не смотреть в его сторону, хотя сердце колотилось так, что, казалось, его слышно всей Ягодной Пади.

— Привет, мелкотня, — весело бросил Денис, проходя мимо. — Чего стоим? Дим, давай с ними, а то они совсем запылились.

Щеки предательски вспыхнули. Я демонстративно отвернулась к Тёмке, делая вид, что очень занята его грязной футболкой, хотя на самом деле телом ловила каждое движение

Дениса.

— Я не мелкотня, — буркнула я себе под нос, надеясь, что он услышал.

Желание бегать и визжать испарилось, как только Денис подошел ближе. Я заправила выбившийся локон за ухо и приняла максимально независимый вид, рассматривая свои поцарапанные коленки так, будто это была самая интересная вещь в мире.

Соседские мальчишки, их было трое, вечно пыльных и шумных, тут же обступили Диму и Дениса. Вся компания отошла подальше от бабушек, к тени развесистого клёна, и заговорщицки зашепталась. Я стояла поодаль, не решаясь подойти, но Тёмка, для которого не существовало преград и авторитетов, схватил меня за руку и потащил в самый центр круга.

— Эй, вы чего секретничаете? — звонко выкрикнул мелкий. — Кать, иди сюда, они что-то затевают!

Я вспыхнула, чувствуя на себе взгляд Дениса, но отступить было поздно.

— Да ладно тебе, Тёмыч, не ори, — усмехнулся Денис, мельком глянув на меня. — Мы завтра на пруд собираемся. Родителям скажем, что просто по деревне гуляем, а сами, на дальний берег.

— Там у нас настоящий порт, — добавил Дима, и в его голосе проскользнуло мальчишеское хвастовство. — Мы в прошлом году начали, а сейчас достроили. Плоты, мостки,

даже маяк из старой канистры соорудили.

Я затаила дыхание. Дальний пруд был местом почти легендарным, взрослые туда ходить запрещали, глубоко и косяги. Но порт, это звучало как настоящее приключение.

— Пойдете с нами? — Денис посмотрел прямо на меня. Его глаза лукаво блеснули. — Только если не разболтаете бабушкам. И Тёмку своего приструни, чтоб не проговорился про купание.

— Я не разболтаю! — Тёмка выпятил грудь колесом. — Я вообще партизан!

— Мы придем, — тихо, но твердо ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я возьму покрывало и... печенье, которое мы в сельмаге купили.

— Идет, — кивнул Дима. — Встречаемся завтра в десять у старой ивы за огородами.

Я кивнула, ощущая странную смесь страха и восторга. Это был наш первый взрослый сговор, а тот факт, что инициатива исходила от Дениса, делал предстоящий поход на пруд самым важным событием этого лета. Я уже представляла, как буду выглядеть в своем лучшем сарафане, и как Денис, возможно, поможет мне забраться на тот самый плот.

Вечер в деревне начался с густого серого дыма, который лениво потянулся из трубы бани, дедушка растопил её на совесть. После знойного дня это было лучшее спасение. Прабабушка сначала быстро сполоснула Тёмку, который отбивался от мочалки и требовал продолжения игр, а потом при-

готовила воду для меня. Два тяжелых эмалированных таза, пар, поднимающийся к потемневшим бревнам, и аромат душистого мыла. Я смывала с себя городскую пыль, чувствуя, как тело становится легким и послушным.

За ужином, когда на столе появилась картошка с укропом и малосольные огурцы, дед Ваня, прихлебывая чай из большой кружки, обратился к прабабушке.

— Мать, я завтра с утра в Верхнекаменск на рынок мотусь. Ласточка совсем выпендривается, детали нужны, без них в бор не прорвемся.

— Поезжай, раз надо, — кивнула прабабушка. — А нам с Катюшей в огороде дел хватит. Викторию прополоть надо, да сорняк попёр после дождя. Кать, ты как, завтра, поможешь?

Я замерла с вилкой в руке. Сердце предательски екнуло.

— Баб, а можно я... ну, когда викторию прополю, погулять схожу? Мы с мальчишками договорились по деревне пройти, они обещали показать, где старая мельница была.

Я старалась говорить буднично, чтобы не выдать своего восторга от завтрашнего похода на пруд.

— Мельница — дело хорошее, — одобрил дедушка. — А я Тёмка с собой заберу! Поможешь деду железки выбирать, чтоб на рынке не обманули?

Тёмка аж подпрыгнул на стуле.

— Конечно! Я буду главным по гайкам!

Когда пришло время спать, Тёмка пристроился под боком у прабабушки, а мне досталась моя любимая старая кровать с

панцирной сеткой. Это был целый ритуал, на железную сетку было навалено несколько ватных матрасов, сверху пухлая, пахнущая сухой травой перина и такое же огромное пуховое одеяло.

Я нырнула в эту мягкую гору и буквально провалилась в неё. Сетка подо мной уютно спружинила, большая подушка обняла голову, а одеяло накрыло уютным облаком. Лежа в этой перине, глядя в темный потолок, я думала о завтрашнем дне. О печенье в рюкзаке, о секретном порте и, конечно, о Денисе. В этой тишине деревенского дома мысли о Тихом Доле и родителях казались кадрами из совсем другого мира.

Утро началось с басовитого рокота под окном. Ласточка, пыхнув сизым дымом, выкатилась за голубые ворота. Тёмка, гордый, сидел на переднем сиденье, чувствуя себя настоящим штурманом. Как только звук мотора стих, я выскочила в огород.

Работа спорилась, пальцы быстро мелькали среди листьев, наполняя ведерко сорняками. Прабабушка, довольная помощницей, только поторапливала.

— Давай, егоза, пропалывай еще ряд — и беги к своим мальчишкам. Только к обеду чтоб как штык!

В десять утра я уже стояла у старой ивы за огородами. Сердце колотилось. В рюкзаке за спиной лежало припрятанное овсяное печенье и старое покрывало. Мальчишки уже были в сборе, Вадим, Дима и Денис.

Денис, в выцветшей майке и с дерзкой челкой, мельком

глянул на меня и ухмыльнулся.

— Не проспала, значит? Молодец. И Тёмку не притащила — вообще отлично. Идем тихо, через малинник, чтоб баба Шура не засекала.

Мы двинулись гуськом по узкой тропе. Путь лежал на дальний пруд, скрытый за густыми зарослями ивняка. Там, в месте, куда взрослые ходить запрещали, мальчишки возвели свое тайное королевство.

— Смотри, Кать, — вполголоса произнес Денис, когда мы вышли к воде. — Наш порт.

Передо мной открылась зеркальная гладь пруда. У берега, на сваях из старых бревен, качался самодельный плот. Был сооружен шаткий мостик, а на высоком пне гордо высился маяк, обмотанная фольгой канистра, сиявшая на солнце.

— Ух ты... — выдохнула я. Мне очень хотелось произвести впечатление на Дениса. — Это вы всё сами?

— Сами, — коротко бросил Денис, и в его голосе я уловила нотку гордости. — Располагайся, гостья. Сейчас плот испытывать будем. Давай руку.

Я протянула ему ладонь. Его рука была шершавой и горячей. В этот момент, когда плот медленно отчалил от берега, я поняла, это будет самое лучшее лето в моей жизни.

Плот едва отошел от берега, когда Денис вдруг хлопнул себя по карману.

— Черт, нож у ивы оставил! — бросил он. — Дим, поддержи шест. Я мигом.

Он ловко прыгнул на мелководе и скрылся в кустах. Дима тоже сошел на берег, чтоб поправить одну деталь маяка, которую сбил ветер в их отсутствие, и на плоту остались только я и Вадим, один из тех самых соседских сорванцов, который вечно искал повод для подкола.

— Эй, Вадим, Денис просил далеко не отплывать! — крикнула я, заметив, что парень начал активно орудовать самодельным веслом.

Вадим хитро прищурился. Ему вдруг стало скучно просто стоять, и он решил проверить меня на слабо. Он привык, что я лазаю с ними по заборам и не боюсь крапивы, и совсем забыл, что под этим панцирем сорванца, прячется обычная девчонка.

— Да ладно тебе, смотри, как закручивает! — Вадим резко оттолкнулся, и плот не просто поплыл, а начал медленно вращаться в сторону глубины. — Тут уже дна нет, Катька! Метра три точно!

Он начал раскачивать плот ногами. Бревна закрипели, вода заплескалась между щелями, заливая мои сандалии.

— Перестань! Слышишь? Вадим, не надо! — мой голос сорвался на крик.

Я вдруг кожей почувствовала эту черную, холодную глубину под собой. Плот крутился, берег уплывал, а раскачивание становилось всё сильнее. В глазах потемнело. Я рухнула на колени, вцепившись пальцами в скользкие бревна, и из моей груди вырвался настоящий, надрывный рыдающий

крик. Слезы градом катились по щекам, я задыхалась от ужаса, не видя ничего, кроме этой вращающейся мутной воды.

Вадим замер. Улыбка мгновенно сползла с его лица. Он ожидал, что я начну ругаться или толкну его, но увидеть меня, их бесстрашную Катю, в таком состоянии было по-настоящему страшно.

— Эй... Катя, ты чего? Я пошутил! — пробормотал он, но я его уже не слышала, сжавшись в комок и содрогаясь от плача.

Испугавшись не на шутку, Вадим, не раздумывая, прыгнул в воду. Оказалось, что там всего по пояс, но плот уже отнесло течением. Он уперся плечом в бревна и, тяжело дыша, начал изо всех сил толкать его к берегу, чтобы я наконец почувствовала под собой твердую землю.

Я не видела берега. Перед глазами стояла мутная пелена, а в ушах стоял гул, перекрывающий даже собственный крик. Когда плот с глухим стуком ткнулся в ил, меня качнуло вперед. Холодные, скользкие пальцы Вадима вцепились в мое плечо, пытаюсь помочь, но я лишь сильнее сжалась в комок, содрогаясь от рыданий.

— Катя, ну ты чего Катя, всё, приплыли! — голос Вадима дрожал. С него ручьями текла вода, смешиваясь с грязью. — Я ж пошутил

— Пошутил?! — громовой голос Димы разрезал воздух. Старший брат уже был у кромки воды, его лицо потемнело от злости. — Ты что творишь, придурок? Она же воды до

смерти боится!

В этот миг из кустов вылетел Денис. Он замер, ошарашенно переводя взгляд с трясущейся меня, на мокрого Вадима. Нож в его руке блеснул на солнце, и я наконец подняв голову, встретила с ним взглядом. Мне хотелось провалиться сквозь эти бревна, лишь бы он не видел меня такой раздавленной, беспомощной, с размазанными по лицу слезами.

Денис бросил нож прямо в песок и в два прыжка оказался на плоту.

— Отойди от неё, — бросил он Вадиму так тихо и холодно, что тот моментально отпрянул, едва не свалившись обратно в воду.

Денис опустил на корточки передо мной. Он не стал меня обнимать, знал, что сейчас я этого не вынесу, он просто протянул руку ладонью вверх.

— Кать. Посмотри на меня. Мы на земле. Слышишь? Ноги на песке.

— Ты что, оглох, придурок? — Дима не выдержал. Когда Вадим, хлюпая мокрыми кедами, выбрался на берег, старший приложил его звонким, увесистым подзатыльником. — Шуточки у него! Ты её чуть до припадка не довел!

Вадим даже не пытался огрызаться. Он стоял понурый, с него текла речная муть, а в глазах читалось искреннее раскаяние. Денис тем временем помог мне встать. Я всё еще мелко дрожала, стараясь не смотреть на воду, которая всего минуту назад казалась мне бездонным чудовищем.

— Ладно, хорош, — буркнул Денис, забирая нож из песка.

— Пошли отсюда. Порт закрыт на сегодня.

Мы поплелись по тропинке в сторону деревни. Вадим семенил рядом со мной, заглядывая мне в лицо, как побитый пес.

— Кать, ну прости Я ж не знал, что ты так, я думал ты просто взвизгнешь, ну как девчонки обычно. Хочешь, я тебе свой складник отдам? Или ягод завтра наберу? Кать?

Я молчала, мне было стыдно перед Денисом, я вытирала кулаками соленые дорожки на щеках. Гнев Димы и нелепые извинения Вадима понемногу вытесняли страх. Обида еще колола сердце, но когда мы вышли к старому дубу на косогоре, всё отошло на второй план. На толстой нижней ветке, прямо над травянистым склоном, висела тарзанка, потертая перекладина на толстом пеньковом канате.

— О, смотрите! Жива еще! — Дима первым подскочил к дереву, проверяя узел. — А ну, Вадим, искупай свои грехи. Прыгай первым, проверим, не сгнила ли веревка.

Вадим, обрадованный шансом заглядить вину, с готовностью вцепился в палку. Он разбежался, взмыл в воздух с победным воплем и приземлился точно в мягкий клевер внизу склона. Напряжение лопнуло, как мыльный пузырь. Мальчишки начали по очереди носиться, соревнуясь в дальности прыжков, а я наконец улыбнулась.

Через полчаса, когда все напрыгались до одышки, мы уселись в ряд на краю обрыва. Склон здесь был не крутой, за-

росший густой травой, пахнувшей солнцем и пылью.

— Вот бы нам в городе такую, прямо во дворе, — Денис лениво жевал травинку, глядя на закатное солнце.

— Ага, — подхватил Вадим, который уже почти обсох. — Из окна пятого этажа и в песочницу.

— Там бы асфальт был, — приземлил их Дима. — В Ягодной Пади всё по-другому. Тут даже воздух... другой.

Я сидела рядом с Денисом, почти касаясь его плеча своим. Страх и чувство стыда ушли, оставив приятную пустоту и ощущение, что это лето самое длинное и важное в моей жизни.

Солнце уже зацепилось краем за верхушки дальнего ельника, окрашивая пыльную дорогу в розовый цвет. Ребята шли гуськом, стараясь не поднимать шума. Вадим, чьи штаны превратились в тяжелые панцири из засохшей грязи, то и дело смешно оттопыривал ноги, чтобы не хлопать остатками воды в кедах.

— Тсс, — шикнул Дима, когда мы поравнялись с покосившимся забором бабы Нюры. — У неё слух, как у локатора. Услышит — завтра вся деревня будет знать, как вы Катьку топили.

Я шла чуть позади Дениса. Сердце всё еще работало неровно, но уже не от страха, а от того, как близко он был. В сумерках его фигура казалась взрослее, плечи шире. Хоть бы не заметил, какое я чучело, промелькнуло в голове, когда я потрогала свои растрепанные волосы в мелких щепках от

плота.

Мы свернули в переулок, заросший высокой крапивой и лопухами. Возле калитки прабабушки пахло свежим сеном и парным молоком, верный признак, что соседка уже привела корову с пастбища.

— Так, план такой, — зашептал Денис, обернувшись к остальным. — Вадим, ты огородами чеши домой, пока мать не увидела твой гидрокостюм. Дим, ты со мной. Кать, ты тихонько в сени, там у деда куртка висит накинь, если платье грязное.

Вадим кивнул и, виновато мазнув взглядом по мне, скрылся в зарослях малины. У самой калитки Денис на секунду задержался. Он посмотрел на меня, в полумраке его глаза казались совсем темными.

— Ты это... Кать. Не реви больше, ладно? Я завтра приду, принесу тебе... ну, чего-нибудь. Рисовать.

Я только кивнула, чувствуя, как щеки вспыхнули жарче любого заката. Я скользнула во двор, стараясь не скрипеть ступенями крыльца. В доме горел тусклый свет керосинки, прабабушка так сэкономила электричество, слышалось мерное тиканье ходиков и шуршание газеты.

— Катерина, ты, что ли? — раздался из комнаты спокойный, глубокий голос прабабушки. — Долго вы сегодня. Идите умываться, молоко на столе, накрытое марлей. Дед с Тёмкой завтра поутру будут, звонили из города...

Я замерла в сенях, прижавшись спиной к прохладному де-

реву сруба. Пронесло.

Я зашла в кухню. На столе стоял обычный стеклянный кувшин с молоком, накрытый салфеткой, и кусок хлеба. Прабабушка всегда оставляла перекусить после долгих прогулок. В доме было тихо, только старые часы на стене громко тикали. Я попила молока прямо из кувшина, холодное и вкусное.

Я чувствовала, как постепенно расслабляются плечи. Тот ужас на плоту начал забываться, а в голове крутились только слова Дениса. Принесу тебе что-нибудь рисовать. Он помнил, что я люблю рисовать. Это было так волнительно, что на мгновение все плохие мысли уходили из головы.

Я пробралась в свою комнату и упала на кровать. Сетка на ней смешно скрипнула. Я достала из-под подушки свой блокнот. В темноте я почти на ощупь провела карандашом линию, это была та самая тарзанка, летящая над травой. Мне было так хорошо и спокойно, как бывает только летом в деревне, когда завтрашний день обещает быть еще лучше сегодняшнего.

Глава 6. Секретная миссия

Лежа в темноте, я во всех деталях вспомнила дедушкин склад в старом шкафу под навесом у бани. Там, среди банок с краской и старых рыболовных сетей, лежал свернутый кольцами тяжелый стальной трос. Дед берег его на всякий случай, но я решила, случай настал. Я представила, как завтра незаметно вытащу его и притащу пацанам. Если Дима и Денис закрепят этот трос на большом тополе прямо напротив их дома, им не придется ходить на дальний пруд. У них будет своя тарзанка, самая крутая в деревне, и я буду к этому причастна.

От этой мысли по телу разлилось приятное тепло. Я уже видела, как Денис удивленно вскидывает брови, когда я вынесу ему эту добычу. Завтра, твердо решила я, как только дед уедет на покос или возиться с трактором. С этой секретной миссией в голове я наконец закрыла глаза. Сетка кровати последний раз скрипнула, и я провалилась в глубокий сон без кошмаров о воде.

Утро наступило внезапно, с первым лучом солнца, пробившимся сквозь щель в занавесках, и знакомым тарахтением дедушкиной машины во дворе. Ласточка деда Вани кашляла и стреляла выхлопами, извещая всю Ягодную Падь, что хозяева вернулись. Я подскочила на кровати. В сенях уже

слышался топот маленьких ножек и звонкий голос Тёмки.

— Баб! А мы мороженое ели! И дед мне машинку купил, красную! Я быстро натянула сарафан. План с тросом жег изнутри, нужно было дожидаться момента, когда дед уйдет в гараж или начнет разгружать покупки, чтобы незаметно проскользнуть к шкафу у бани. Я вышла на крыльцо, жмурясь от яркого солнца. Дед Ваня в своей неизменной кепке выгружал из коляски тяжелые сумки с продуктами и запчастями. Тёмка крутился под ногами, размахивая новой пластмассовой машиной.

— О, Катерина проснулась! — дед широко улыбнулся, вытирая руки о штаны.

— Ну, иди принимай брата, а то он мне за дорогу все уши прожужжал. Я кивнула, стараясь выглядеть как обычно, но взгляд мой то и дело косился в сторону бани, где под навесом стоял тот самый старый шкаф. Главное, чтобы дед не решил заглянуть туда прямо сейчас. Я спрыгнула с крыльца и подбежала к деду. Нужно было казаться максимально полезной, чтобы никто не заподозрил меня в краже века.

— Деда, давай я сумку заберу! — я подхватила тяжелый пакет, в котором заманчиво звякнули стеклянные банки. Дед Ваня довольно крикнул, вытирая лоб кепкой.

— О, помощница! Молодец, Катюха. А Тёмка-то, гляди, всё утро изводил, когда к Кате приедем, да когда приедем. Тёмка, почувствовав, что внимание переключилось на него, бросил свою машину в пыль и вцепился в подол моего

сарафана.

— Катя! Смотри! — он начал лихорадочно рыться в кармане своих шорт, выуживая оттуда что-то, завернутое в мягкую салфетку.

— Это тебе. Дед хотел выкинуть, сказал — мусор, а я спрятал! Он торжественно развернул салфетку. На ладошке лежал маленький брелок-фонарик в виде синего кота. Пластик был дешевый, но в глазах брата это сокровище светилось ярче настоящего золота.

— В городе у автовокзала купили. Он светит! Видишь? Я нажала на кнопку и из носа кота ударил тонкий синий луч. Я искренне улыбнулась и прижала брата к себе.

— Спасибо, Тём. Это самый крутой кот в мире. Иди неси машинку бабушке показывать, она там уже блины затеяла. Тёмка с криком блины умчался в дом. Дед, подмигнув мне, взвалил на плечо какой-то тяжелый железный агрегат в масле и потащил его в сторону сарая, который стоял в противоположной стороне от бани. Сейчас, пронеслось у меня в голове. Двор на минуту опустел. Я быстро поставила сумку с продуктами на скамейку и оглядываясь, скользнула за угол дома. Вот он, старый шкаф под навесом у бани. Петли скрипнули совсем тихо, и внутри, за банками с засохшей олифой, показался заветный металлический трос. Он был тяжелым и пах холодным железом. Я дождалась, пока дед Ваня усядется за стол и с аппетитом примется за блины. Подгадав момент, я подошла к прабабушке.

— Бабуль, я на полчаса к мальчишкам сбегаю? — я старалась, чтобы голос не дрожал.

— Иди уж, егоза, — прабабушка поправила платок. — Только не задерживайся. Сегодня на базар едем, пирожки горячие везти надо и ягоду вчерашнюю. Дед с Тёмкой на хозяйстве останутся, а мы с тобой торговать будем. Я кивнула и пулей вылетела во двор. Сердце колотилось. Я шмыгнула за баню, рванула дверцу старого шкафа и вцепилась в холодные кольца троса. Он оказался неожиданно тяжелым и кусачим, стальные нити кололи ладони. Кое-как запихав железную бухту в старый пыльный мешок, я пригибаясь, потащила добычу к забору. Мальчишки Дима и Денис как раз крутились у своей калитки.

— Смотрите, что принесла! — тяжело дыша, я сбросила мешок у их ног. — Это дедов трос. Давайте сделаем тарзанку прямо тут, на тополях? Чтобы к дальнему пруду не бегать. Глаза у пацанов загорелись.

— Ну ты даешь, Катька! — Денис восхищенно свистнул, потрогав металл. — Это же навечно будет. — Ладно, берись, а то бабушка потеряет, — скомандовал Дима. — Мы всё делаем, вечером оценишь! Весь день на базаре пролетел как в тумане. Я подавала покупателям кульки с викторией и заворачивала в салфетки пышные пирожки, а сама всё поглядывала на дорогу. Когда мы с прабабушкой, уставшие, но с пустыми корзинами, возвращались домой, солнце уже клонилось к горизонту. И тут я увидела её. На самом толстом

тополе, на огромной высоте, был надежно закреплен трос. К его концу мальчишки приладили удобную, гладко выструганную палку-перекладину. Тарзанка замерла в воздухе, как натянутая струна.— Это еще что за новости? — прабабушка остановилась, прищурившись.

— Откуда это здесь взялось? Но было уже поздно ругаться, дело было сделано. Опробовать её сегодня я не успела, прабабушка погнала всех ужинать и готовиться к завтрашнему дню, но я знала, завтра это будет самая крутая забава во всей Ягодной Пади. Вечер за ужином прошел на удивление спокойно. Дед Ваня, уплетая пирожки, даже не заикнулся о пропаже троса, видимо в его шкафу было столько стратегических запасов, что отсутствие одной бухты железа осталось незамеченным.

— А я сегодня у магазина с Никитичной столкнулась, — прабабушка отхлебнула чай из блюдца.

— Говорит, Денис с Димкой где-то трос раздобыли, настоящий, стальной! На тополях у дома такую махину соорудили, тарзанку. Теперь вся деревенская ребятня там крутится. Молодцы парни, не сидят без дела, для всех забаву сделали. Я уткнулась в свою тарелку, пряча хитрую улыбку. Сердце радостно екнуло, молодцы парни! А ведь если бы не её вылазка к бане, не видать бы им этого троса как своих ушей!

— Бабуль, — я подняла глаза, стараясь звучать как можно естественнее, — а можно мне завтра тоже её опробовать? Ну, хоть разок? Прабабушка посмотрела на меня поверх оч-

ки, помолчала секунду и кивнула, — Можно, чего ж нельзя. Дело хорошее. Только, Катерина, ты это... не вздумай там целый день с пацанами хвостом носиться. Сосем про подружку свою, Машку, забыла. Сходила бы завтра, навестила её, а то негоже так, приехала и носа к ней не кажешь. Девочкам тоже общение нужно, а не только по деревьям лазать.

Я вздохнула. Машка была неплохой, но сейчас все мои мысли были там, на тополях, где завтра Денис наверняка будет показывать класс. Я стояла у рамоуника во дворе, вглядываясь в темное зеркало, висевшее на стене бани. Вода была ледяной, бодрила и смывала остатки дорожной пыли. Чистя зубы, я смотрела на черные силуэты тополей, которые едва заметно качались на фоне звездного неба. Где-то там, среди листвы, притаился мой секрет, стальной трос.

Завтра, думала я, сплевывая мятную пену. Сначала тарзанка. Всего пару прыжков, чтобы Денис увидел, что я не трусиха. А потом сразу к Машке. Я честно пообещала себе, что навечу подружку. В конце концов, с Машей можно было обсудить то, о чем с мальчишками не поговоришь. Например, как Денис вчера на нее посмотрел или что надеть на вечерние посиделки у костра. Но приоритеты были расставлены четко, первым делом полет.

Я вернулась в дом, юркнула под прохладное одеяло и вытянулась на перине. Сетка кровати ответила знакомым уютным скрипом. Засыпая, я уже чувствовала этот момент, как ветер свистит в ушах, как ладони крепко сжимают теплую от

солнца перекладину и как я лечу над травой, легкая и бес-
страшная.

Глава 7. Полет над травой

Утро встретило оглушительным щебетом птиц и запахом свежескошенной травы. Я вскочила, быстро заплела косу и едва перекусив куском хлеба с вареньем, выскочила за калитку.

Солнце еще не жарило, но воздух уже был тёплым. У топей всюю кипела жизнь. Дима и Денис, как главные инженеры, проверяли узел, а пара соседских мальчишек поменьше с завистью смотрели снизу вверх.

— О, пришла! — Денис заметил меня и широко улыбнулся. Он сегодня был в старой майке, на плече красовалась свежая царапина от коры.

— Твой трос — просто зверь. Мы вчера до темноты его испытывали, даже Димку выдержал!

Он подтянул перекладину к небольшому пригорку, с которого полагалось стартовать.

— Ну что, заказчица, пойдешь первой сегодня? Или подождешь, пока мы еще пару раз прыгнем?

— Пойду, — твердо сказала я и взялась за гладкую палку. Ладони сразу вспотели.

— Сильнее сжимай, — негромко подсказал Денис, оказавшись совсем рядом.

Я крепко ухватила за перекладину. Денис помог мне

подтянуться повыше, чтобы ноги не волочились по земле.

— Давай, Кать, отталкивайся! — крикнул он.

Я разбежалась по пыльной тропинке, поджала колени и взмыла в воздух. Тарзанка описала мощную дугу. Ветер ударил в лицо, а снизу промелькнули верхушки лопухов и забор. Ощущение было непередаваемое, как будто ты на секунду перестал весить хоть сколько-то. Когда инерция закончилась, я мягко спружинила ногами прямо в густую, примятую траву.

— Ух ты! — выдохнула я, поправляя растрепанную косу.

— Это в сто раз круче, чем на пруду!

В этот момент со стороны дороги показалась Маша. Она была в чистом платице, с аккуратными бантиками и замерла на месте, округлив глаза.

— Катька! Ты что, с ума сошла? — Маша подошла ближе, с опаской поглядывая на стальной трос.

— Баба Аня знает, чем ты тут занимаешься? Я к тебе зашла, а тебя дома нет. Бабушка сказала, ты к мальчишкам убежала... Маша перевела взгляд на Дениса и Диму, и её голос стал чуть тише и кокетливее. Она явно смущалась старших парней, в отличие от меня — я чувствовала себя здесь своей. — Привет, мальчишки, — Маша поправила подол платья. — А что это у вас тут такое... железное?

Маша подошла ближе, косясь на Дениса и Диму. Видно было, что она хочет казаться взрослой и правильной, но любопытство так и распирало. Я замялась. С одной стороны,

Денис и новенькая тарзанка, с другой обещание прабабушке и подруга, которая явно пришла с какими-то важными деревенскими новостями. Я нехотя отпустила перекладину. Мне хотелось прыгнуть ещё раз десять, но обещание прабабушке и настойчивый взгляд Маши сделали своё дело.

— Ладно, пацаны, я попозже приду! — крикнула я Денису. Тот кивнул и ловко перехватил тарзанку, проверяя крепление троса.

Мы зашагали по пыльной дороге в сторону Машиного дома. Я всё ещё тяжело дышала, а щёки горели от восторга и утреннего солнца. Как только мы отошли подальше от мальчишек, меня буквально прорвало.

— Маш, ты представляешь, что вчера на Дальнем пруду было? — зашептала я, размахивая руками. — Вадим, придунок, плот от берега оттолкнул и качать начал! У меня аж в глазах потемнело, думала — всё, утону.

Маша ахнула, прикрыв рот ладошкой, — Да ты что! А Денис? Он где был? — А Денис за ножом уходил, — я запнулась, и голос мой стал тише. — Но когда прибежал... Маш, он так на Вадима прикрикнул! А потом руку мне подал. Так спокойно сказал, посмотри на меня, мы на земле. Я чуть не расплакалась прямо там, но не от страха, а... ну, ты понимаешь.

Маша хитро прищурилась. Она была единственной, кто знал главный секрет про мою тайную влюблённость в Дениса.

— Понимаю-понимаю, — протянула подруга. — Значит, он тебя спасал? Прямо как в кино. А трос этот стальной? Откуда он взялся?

— Это я его у деда из шкафа за баней утащила, — гордо призналась я. — Мальчишкам принесла, чтобы они тарзанку сделали. Денис так удивился! Сказал, что я молодец. Мы уже подходили к Машиной калитке, заросшей сиренью.

— Ну ты смелая, Катька, — восхитилась Маша. — Стащить трос у деда Вани — это покруче, чем на плоту плавать. Пойдём в беседку, расскажешь всё в деталях. Мне мама вчера такие конфеты из города привезла, будем чай пить и секретничать.

Весь день мы провели в тени старой яблони за Машиным домом. Там, у пересохшего ручья, мы нашли отличную жирную глину, серую и пластичную. Забыв про нарядные платья и бантики, мы с Машей азартно лепили крошечную посуду, фигурки кошек и даже ту самую тарзанку в миниатюре.

Время летело незаметно. Мы играли в магазин, раскладывая глиняные пирожки на широких листах лопуха, бегали наперегонки к колодцу и просто валялись в высокой траве, глядя на облака. Я вздохнула рассказывала про городскую школу, а Маша в ответ делилась деревенскими новостями про то, кто из пацанов с кем подрался у клуба.

Когда тени стали длинными и солнце начало клониться к закату, Маша вдруг погрустнела. Она обтерла испачканные глиной руки о старую тряпку и вздохнула.

— Катя, я завтра уезжаю. Родители в город собираются по папиным делам, и меня с собой забирают. Сказали, дня на три, не меньше. Я замерла с недолепленной чашкой в руках. Три дня в деревне, это целая вечность. Без Маши будет не с кем обсудить, как Денис посмотрел или что Дима сказал.

— Ну вот... — расстроилась я. — Как раз когда тарзанку доделали.— Да ладно тебе, — Маша попыталась улыбнуться. — Зато приеду — всё мне расскажешь! Следи там за ними, чтоб Денис ни на кого другого не смотрел. Я быстро вернусь, глазом моргнуть не успеешь.

Мы обнялись на прощание у калитки. И я зашагала домой, чувствуя легкую грусть от скорого расставания с подругой, но в то же время предвкушая завтрашний день. Ведь теперь у меня будет еще больше времени, чтобы проводить его у тополей с мальчишками.

Я влетела во двор, сияя от счастья. Руки ещё чуть-чуть пахли речной глиной, а колени были в пыли, но на душе было так легко, как не бывало давно. Я быстро сполоснула руки под ручномойником и юркнула в дом, где уже пахло жареной картошкой с луком.

За ужином вся семья собралась за большим столом. Прабабушка разливала чай, а дед неспешно ломал хлеб.

— Ну что, нагулялась, помощница? — ласково спросила прабабушка, ставая передо мной тарелку. — У меня для тебя новость есть. Звонил сейчас твой папа из города. Я замерла с вилкой в руке. Папа! Я так соскучилась по его громкому

смеху и запаху бензина от куртки.

— Сказал, завтра к вечеру вырвется, — продолжала бабушка. — Буквально на одну ночь, дела у него тут какие-то в сельсовете и по хозяйству помочь надо. Так что ты завтра, Катерина, далеко не убегай. Встречать будем, баню истопим. Чтобы в пять часов была дома как штык, поняла?

— Поняла, бабуль! — я закивала, а сердце забилося ещё быстрее. Приезд папы, это всегда праздник. Значит, завтрашний день будет особенным, сначала вдоволь накатаюсь на тарзанке с мальчишками, пока Маша в городе, а потом буду ждать папину машину у калитки.

— Опять подарков навезёт, — пробурчал Тёмка, набивая рот картошкой. — Катя, а он мне запчасть для крана обещал!

Вечер прошел в суете и сборах. Я лежала в своей постели и думала, завтра приедет папа, Маша уедет, а я покажу Денису, как высоко умею взлетать на его новой тарзанке. С этими мыслями я и уснула.

Утро началось с того самого тревожного вопроса, почему папа едет один? Я сидела на кровати, и перед глазами всплывала та ночь. Я стою у окна своей комнаты, прижавшись лбом к стеклу, а внизу, в темной садовой беседке, идет тяжелый разговор. Голоса родителей долетали обрывками, но тон мамы резкий, почти чужой, заставлял сердце сжиматься. Мама ведь не работает, она всегда была дома, всегда рядом, а тут вдруг эта фраза, мне нужно время, я побуду одна, решу дела. И вот теперь папа едет без неё.

— Катерина, завтракать! — голос прабабушки вырвал из воспоминаний. В кухне пахло жареным тестом. На столе стояла тарелка с горячими оладушками. Тёмка, не дождавшись меня, уже всю гонял красную машинку по полу, озвучивая моторы. Я умылась ледяной водой, стараясь смыть остатки ночного кошмара. Мысли не отпускали, что же там, в городе, происходит, пока мы здесь? Может, мама обижена? Или они совсем поругались? Чтобы не выдать себя перед прабабушкой, я быстро съела пару оладий, почти не чувствуя вкуса, и решила, надо идти к мальчишкам. Только ветер на тарзанке мог сейчас выбить из головы этот шепот из беседки.

— Бабуль, я к тополям! — крикнула я, выбегая на крыльцо. — К пяти вернусь, папу встречать!

У тополя напротив дома бабушки Димы и Дениса было тихо. Денис сидел на лавке, лениво подбрасывая в руке камешек. Увидев меня, он сразу заметил мой хмурый взгляд.

— О, пришла, — он встал, отряхивая шорты. — Машка-то уехала? А ты чего такая кислая, оладьями объелась?

Я промолчала, просто подошла к дереву и крепко вцепилась в перекладину тарзанки. Я сжала пальцы на гладком дереве так, что костяшки побелели. В голове набатом стучало, почему он едет один? Почему мама не приедет?

— Эй, Кать, ты чего? — голос Дениса прозвучал совсем близко. — Если передумала — слезай. Вадим сегодня тихий, пугать не будет.

Я обернулась. Денис смотрел на меня с непонятной сме-

сю жалости и интереса. Это жалко обожгло сильнее всего. Я не кислая, я... я взрослая! Я всё понимаю!

— Ничего я не передумала, — резко бросила я. — Смотри!

Я не просто разбежалась — я рванула с пригорка, вкладывая в этот прыжок всю злость на городскую беседку, на мамино хочу побыть одна и дела, и на папино молчание. Тарзанка взмыла выше обычного. Ветер свистел, выбивая слезы из глаз, а внизу пронеслись лопухи и забор. На секунду мне показалось, что если я сейчас отпущу руки, то просто улечу прочь из Ягодной Пади, из Тихого Дола, в то самое синее небо, где нет проблем и лжи. Я приземлилась жестко, едва не кувыркнувшись в пыль.

— Ого! — присвистнул Дима. — Катька, ты рекорд Дениса побила! — Хватит на сегодня, — буркнула я, отряхивая сарафан. — Папа скоро приедет. Надо идти.

Когда я добежала до дома, во дворе стоял гул. Дед, сияя как новый самовар, вытирал масляные руки. Ласточка работала ровно, без единого лишнего вздоха.

— Слышь, Катерина? — дед хлопнул по капоту. — Тёмыч мне сегодня весь трамблер перебрал! Золотые руки у парня. Тёмка гордо восседал на подножке, вытирая нос грязным пальцем.

— Кать! Мы машину вылечили! Теперь дед меня в бор повезет! Я посмотрела на радостного брата и почувствовала, как сердце сжимается. Я видела, как прабабушка Анна,

привалившись к косяку, тяжело дышит. Возраст брал своё, за Тёмкой, который носился как заведенный, ей было уже не уследить.

Белая машина отца показалась у ворот, когда тени от то-полей уже вытянулись через всю дорогу. Папа вышел из са-лона, поправил кепку и на мгновение замер, вдыхая густой, сладкий воздух Ягодной Пади. Он выглядел очень уставшим, но увидев вылетевшего навстречу Тёмку, в первый раз за долгое время искренне улыбнулся.

— Папа! — Тёмка врзался в него на полном ходу. — А мы Ласточку вылечили! А у меня фонарик синий! Едем домой? К Бетховену? Он там небось всю сметану без меня съел! Папа подхватил сына, прижимая к себе.

— Едем, Тёмыч, едем. Завтра поутру и двинем. Кот твой уже, наверное, у двери сидит, швейцара из себя строит.

Я подошла медленно. Внимательно всматривалась в папи-но лицо, пытаюсь найти там ответы. Он обнял меня одной рукой, поцеловал в макушку.

— Мама ждет, Катюш. Скучает. В этот вечер в доме пра-бабушки было по-особенному уютно. Дед еще с обеда нато-пил баню на совесть. Воздух во дворе пропитался березовым дымом и ароматом распаренной хвои. После жаркого пара, когда кожа горела, а мысли становились чистыми и легкими, все собрались на кухне.

Прабабушка выставила на стол гору румяных пирожков с капустой и с картошкой, еще дышащих жаром печи. Папа

сидел за столом, медленно пил чай из большой кружки и казалось, наконец-то расслабился.

— Пап, а я решил... — начал было Тёмка, набивая рот пирожком. — Я Бетховену свою новую машинку подарю. Чтобы он не скучал, пока я у деда в гараже был. Я сидела рядом с прабабушкой. Я видела, как та тяжело опускается на стул, как порой замирает, прижимая ладонь к боку.

— Пап... я завтра не поеду, — тихо, но твердо сказала я.

— Я остаюсь. Бабушке тяжело одной, у неё спина... И огород ещё не прополот. Я до конца месяца побуду здесь.

Папа замер с кружкой в руке. Он долго смотрел на меня, и в его взгляде не было злости, только понимание и усталость.

— Оставайся, Кать, — кивнул он. — Помоги бабушке. А я... — он замялся, — я за тобой через две с половиной недели приеду. Как раз к твоему дню рождения. Справим здесь, в Пади, или в город поедем, как захочешь. Обещаю.

Я выдохнула. Это обещание пахло честностью, как и этот вечер с пирожками.

Утро выдалось туманным и свежим. Белая машина, припаркованная у ворот, покрылась мелким бисером росы. Тёмка уже вовсю прыгал у багажника, помогая отцу закидывать сумку с деревенскими гостинцами. Он светился от счастья, впереди был дом, любимый кот и мама.

— Катя, ты фонариком свети вечером, если страшно будет! — напутствовал он, залезая на заднее сиденье. — А я Бетховену всё-всё расскажу! И про деда, и про Ласточку!

Папа подошел ко мне, крепко обнял.

— Две с половиной недели, Катюш. Я за тобой приеду. Будь умницей, помогай бабушке.

Машина медленно тронулась, шурша гравием. Тёмка отчаянно махал рукой в окно, пока автомобиль не скрылся за поворотом, утопая в утренней дымке.

Во дворе воцарилась тишина. Я стояла у калитки, чувствуя на плече теплую руку бабушки.

— Ну что, помощница, — пробасил он. — Тёмыч к коту уехал, а у нас с тобой Ласточка под навесом скучает. Пойдем-ка чаю допьем, да в огород. Дел у нас, край не виден. Я кивнула. На душе было спокойно. Я знала, что поступила правильно.

Утро после отъезда папы и Тёмки выдалось прохладным и удивительно тихим. Солнце еще только коснулось верхушек сосен, а в кухне уже вовсю кипела работа. Дед, сияя от вымытой до блеска машиной, вкатился во двор. Его зверь-машина теперь работала как часы, и он, как и обещал, был полон решимости ехать в бор.

— Ну что, Катерина, помощница, готова? — пробасил он, выгружая из коляски плетеные корзины. — Гриб пошел знатный, после вчерашнего тумана сами в руки просятся!

Я быстро натянула старые джинсы и папину штормовку, лес не прощал открытых рук. Мы выехали из Ягодной Падди, когда роса еще серебрила траву. Ласточка бодро подпрыгивала на ухабах, а воздух становился всё гуще, пахнущим

смолой и прелой листвой.

В бору воцарилась тишина, такая глубокая, что слышно было, как сосновая игла падает на мягкий ковер из мха. Я первой нашла семейку маслят, их липкие коричневые шляпки блестели в лучах солнца, пробивавшихся сквозь кроны деревьев. Дед, зная заветные места, быстро наполнял свою корзину крепкими белыми грибами и подосиновиками в ярких оранжевых шапочках.

К обеду корзины стали неподъемными. Вернувшись домой, мы застали прабабушку за привычным занятием, она уже выставила на стол гору свежеиспеченных пирожков, аромат которых разносился на всю улицу.

Вечер был посвящен подготовке к торговому дню. Я помогала чистить грибы, а прабабушка раскладывала их по кучкам отдельно отборные белые, отдельно маслята для засолки.

На следующее утро мы были в самом сердце Пади у вокзала, где под длинным навесом уже кипела жизнь. Я чувствовала себя настоящей взрослой, аккуратно выставила на прилавок корзинки с лесным золотом, а рядом прабабушка разложила еще теплые пирожки, заботливо укутанные в чистые льняные полотенца.

— Покупайте, милые! С пылу, с жару! Грибочки утренние, из самого Каменного Оврага! — певуче зазывала прабабушка. Торговля шла бойко. Проезжающие на поезде охотно брали пирожки в дорогу, а местные дачники придирчиво

выбирали грибы. Я ловко подавала кульки и считала сдачу. К полудню корзины опустели, а в кармане фартука приятно затяжелела выручка.

— Ну, Катюша, заработали на праздник! — улыбнулась прабабушка, вытирая лоб платком.

— Иди купи себе в сельмаге чего душа просит — заслужила.

Я шла по пыльной дороге домой, чувствуя приятную усталость в ногах. Я уже знала, что куплю новый альбом и те самые яркие фломастеры, чтобы нарисовать и лес, и дедову Ласточку, и возможно, ту самую тарзанку у тополей.

После рынка я напрямик отправилась в сельмаг. В отделе канцтоваров я выбрала самый толстый альбом и на сдачу взяла набор фломастеров, тех самых, ядовитых цветов, чтобы солнце на рисунках было по-настоящему ослепительным. Выходя на крыльцо, я нос к носу столкнулась с Денисом. Тот выглядел необычайно возбужденным.

— Катька, гляди! — он кивнул в сторону дороги. Там, поблескивая хромом на солнце, стоял новенький мопед. Подарок родителей на окончание девятого класса. Денис с гордостью похлопал по кожаному сиденью.

— Альфа. Хочешь, до тополей подброшу? Только держись крепче.

Я, прижав к груди новый альбом, несмело уселась сзади. Мопед взвизгнул, обдал запахом бензина и рванул с места. Ветер бил в лицо, выбивая пряди из косы, а я чувствовала,

как внутри всё замирает от восторга и близости Дениса. Это было совсем не похоже на прыжки на тарзанке, это была скорость, взрослая и настоящая.

Следующие дни потекли пестрой, шумной чередой. Утро начиналось с запаха пирожков и поездки на рынок. Я уже мастерски раскладывала грибы и ягоды, лихо считала сдачу и знала всех местных торговков по именам. Днем возвращалась Маша, еще более бледная после города, но с чемоданом новых секретов. Мы часами просиживали в беседке, делясь конфетами и обсуждая каждый проезд Дениса мимо их калитки. Вечерами вся компания собиралась у тополей. Тарзанка летала без усталости, а Денис, когда у него оставалось немного бензина, катал меня по пыльным проселкам до самого озера. В эти моменты, глядя на его широкую спину и золотистый закат над водой, я понимала, это мое лето. Самое лучшее, самое яркое.

Дни пролетали быстро, сочно, не давая ни секунды на грусть о Тихом Доле или странном поведении родителей. Я купалась в этой беззаботности, как в теплой воде пруда, совершенно не догадываясь, что это лето, последний рубеж моего детства. Что совсем скоро мир снова станет сложным, а эта легкость останется лишь на страницах моего нового альбома.

Глава 8. Горький сахар

Вечер перед днем рождения в Ягодной Пади выдался особенно тихим. Солнце уже скрылось за лесом, и в доме прабабушки пахло сушеной душицей и свежим хлебом. Я сидела на крыльце, подбрасывая в руке тот самый синий фонарик-кот, который подарил Тёмка, когда тишину дома разрезал резкий звон тяжелого телефонного аппарата на комод.

Я взлетела в комнату и схватила трубку. Это был папа.

— Привет, именинница! — голос папы звучал бодро, хотя в нем угадывалась привычная городская усталость.

— Слушай внимательно, завтра мы с Тёмкой будем у вас. План такой, в три часа дня собирай всех своих — Машку, пацанов, кого хочешь. Прабабушка обещала пироги, так что отметите как следует.

Я почувствовала, как сердце радостно подпрыгнуло. Значит, завтра я в последний раз соберу всех, у этих голубых ворот!

— Но есть одно но, Катюш, — папа понизил голос. — Моя машина в ремонте, так что приедем мы с дядей Лёшей на его машине. И в шесть вечера нам нужно будет уже выехать обратно в Тихий Дол. Так что будь готова, вещи собери заранее. Договорились?

— Да, пап, конечно! — выдохнула я.

Шесть вечера. Это число прозвучало как финальный гонг. Всего три часа на праздник, а потом пыльная дорога, город и та самая взрослая жизнь, от которой я так успешно пряталась весь этот месяц.

Положив трубку, я долго стояла в полумраке кухни. Мне хотелось кричать от радости, что я увижу папу и брата, и одновременно плакать, потому что мое самое лучшее лето заканчивалось ровно в восемнадцать ноль-ноль. Я вышла во двор и увидела в сумерках силуэты тополей. Завтра я в последний раз взлечу на тарзанке, последний раз увижу, как Денис заводит свой мопед, и навсегда закрою эту страницу.

Ровно в три часа дня к голубым воротам, тяжело переваливаясь на ухабах, подкатил мощный синий внедорожник дяди Леши. Пыль еще не успела осесть, как задняя дверца распахнулась, и оттуда пулей вылетел Тёмка.

— Катя! Катька! Мы приехали! — он вцепился в меня, пахнувший городским асфальтом и чипсами. Следом вышел папа. Он выглядел непривычно, в чистой рубашке, гладко выбритый, но какой-то натянутый, словно струна. За ним выбрался дядя Леша, рослый хохотун в камуфляжной кепке.

— Ну, именинница, принимай главный калибр! — папа обнял меня и протянул небольшую коробочку, перевязанную лентой.

Внутри лежал заветный кнопочный телефон. Он был серебристый, с маленьким экраном, который светился таинственным голубым светом. Я осторожно нажала на кнопку,

клавиши отозвались мягким щелчком. Никаких камер тогда еще не было, но для меня этот аппарат был дороже всех сокровищ мира. Теперь я могла сама набрать номер, не дожидаясь очереди у домашнего аппарата.

Праздник зашумел на весь переулок. Прабабушка вынесла на стол во дворе огромный торт — настоящий шедевр с масляными розами и четырнадцатью тонкими свечками. Пока мы возились с чаем, дядя Леша достал из багажника воздушку.

— А ну, бойцы, стройся! — скомандовал он мальчишкам.

Денис, Дима и даже Вадим мигом забыли про торт. У забора на старом бревне выставили ряд пустых бутылок из-под лимонада. Хлесткие хлопки выстрелов и звон разбитого стекла смешивались с Тёмкиным восторженным писком. Папа тоже сделал пару выстрелов, но я видела, что его мысли далеко.

Когда суэта немного утихла, папа отвел меня к старым качелям в глубине сада.

— Катюш, слушай меня внимательно, — он заговорил тихо, глядя на свои руки. — Жизнь теперь будет другая. Мы в Тихом Доле всё немного переиначили... Тебе понравится, вот увидишь. Теперь всё будет по-новому.

— А мама? — сердце пропустило удар. — Она дома? Она ждет?

Папа на мгновение отвел взгляд, засмотревшись на то, как Денис ловко перезаряжает винтовку.

— Про маму... это сюрприз. Узнаешь, когда приедем. Сейчас не спрашивай, просто знай, я стараюсь для вас.

В этих словах было что-то тревожное, какая-то странная недосказанность, от которой становилось неуютно. Мне хотелось вцепиться в папину рубашку и требовать ответов, где мама? Почему она не позвонила? Что это за новая жизнь? Но папа уже встал, нацепив свою маску веселого отца, и позвал всех к столу. Не сейчас, решила я. Я не дам этому странному предчувствию испортить последний день. Я буду смеяться, стрелять по бутылкам, есть этот приторно-сладкий торт и запоминать, как Денис украдкой смотрит в мою сторону, пока я задуваю свечи.

Шесть часов вечера неумолимо приближались. Я бегала между гостями, стараясь прожить каждую минуту этого яркого, пахнущего хвоей и кремом дня. Я еще не знала, что за поворотом Ягодной Пади мое лето закончится навсегда, превратившись в горький сюрприз, о котором говорил отец. Шесть вечера наступили внезапно, словно кто-то выключил звук у праздника. Ребята разошлись, пообещав напоследок, что следующее лето будет еще круче. Машка шмыгала носом у калитки, а Денис, заглушив мопед, просто кивнул мне долго, серьезно, как будто понимал, что этот кивок заменяет тысячу слов.

Двор прабабушки опустел. Тяжелые сумки с банками варенья, грибами и вещами уже исчезли в недрах синего внедорожника дяди Леши.

— Ну, присядем на дорожку, — негромко скомандовала прабабушка.

Все замерли на лавках в большой комнате. В этой минутной тишине я отчетливо слышала тиканье старых ходиков. Взрослые, папа, дядя Леша, дед сидели с каменными лицами, глядя в пол. В этом молчании не было мира, в нем чувствовалась какая-то тяжелая, душная тайна, которую они везли с собой в город.

Прощание вышло скомканным.

— Звони, Катюш! Телефон-то теперь есть, не забывай старуху, — прабабушка прижала меня к груди, и я почувствовала запах душицы и печного дыма.

— Буду, бабушка! Каждый день буду! — обещала я, стараясь не расплакаться.

Машина тронулась, шурша гравием. Ягодная Падь с её тополями, тарзанкой и голубыми воротами быстро таяла в зеркале заднего вида.

Уже в городе, когда за окнами замелькали неоновые вывески и серые многоэтажки, папа попросил дядю Лешу притормозить у большого супермаркета.

— Мы быстро, — бросил он и скрылся за стеклянными дверями.

Вернулся он с двумя нарядными пакетами сладостей. Один был огромный, доверху набитый дорогими конфетами и заграничным печеньем, а второй, совсем скромный, вдвое меньше. Я была уверена, что большой пакет, это гостинец

для детей дяди Леша, ведь их там трое. Но папа, сев в машину, протянул маленький сверток другу.

— Это твоим, Лех. Спасибо, что вынул.

А огромный, тяжелый пакет он торжественно водрузил на мои колени.

— А это — тебе, дочка. И Тёмке.

Я замерла, недоуменно глядя то на пакет, то на затылок отца.

— Пап... а почему дяде Леше маленький? У него же детей много, а нам такой огромный зачем? — шепотом спросила я.

Папа даже не обернулся. Он смотрел в лобовое стекло на бегущую дорогу.

— Скоро поймешь, Катя. Всё скоро поймешь.

Дальше ехали в абсолютной тишине. Тёмка уснул, прижавшись к моему плечу, а у меня в голове не утихали мысли. Этот пакет со сладостями казался мне не подарком, а какой-то странной взяткой или попыткой задобрить перед чем-то страшным. Плохое предчувствие, которое весь день сидело внутри маленьким холодным комочком, теперь разрослось и мешало дышать. Впереди был Тихий Дол, и я кожей чувствовала, за порогом их квартиры её ждет не сюрприз, а крушение всего, что я знала.

Тихий Дол встретил нас густыми синими сумерками. Когда внедорожник дяди Леша замер у знакомого зеленого забора, сердце забило где-то в самой горле. В окнах дома горел свет, непривычно яркий, торжественный, совсем не та-

кой, как в тот вечер, когда мы уезжали. Папа поблагодарил друга, тот коротко кивнул и, дождавшись, пока мы выгрузим сумки на гравийную дорожку, укатил в темноту. Я стояла у крыльца, прижимая к себе огромный пакет сладостей. Тёмка, сонный и взлохмаченный, вцепился в мою руку.

— Ну, пойдёмте в дом, — негромко сказал папа, открывая тяжёлую дверь.

Едва переступив порог, я замерла. Прохладный коридор, где пахло деревом и мамиными духами, теперь был завален чужой обувью. Десятки ботинок, ярких девичьих сандалий и кроссовок теснились на коврикe, наступая друг другу на пятки. Я прошла на кухню, в то самое сердце дома. Там, у плиты, стояла незнакомая женщина. Она обернулась и, увидев меня, просияла дружелюбной, почти родной улыбкой.

— Ой, приехали! С днем рождения тебя, Катюша! — звонко сказала она. — Я Марина. Ты, наверное, проголодалась с дороги? Будешь есть или сначала вещи разберешь?

Я не успела ответить. Из большой комнаты через открытую дверь донесся звонкий голос девочки. Перебивая эту женщину, она прокричала, я буду. Этот крик заполнил все четыре комнаты их когда-то тихого дома.

В этот момент в кухню зашел папа. Он поставил сумки на пол, подошел к Марине и совершенно естественно на глазах у нас поцеловал её в щеку.

Мир вокруг покачнулся. Пакет со сладостями едва не выскользнул из рук. В одну секунду я поняла всё, и папину

странную бодрость, и этот огромный пакет конфет, взятку за разрушенное детство, и почему папа ехал один. Происходило что-то страшное и окончательное. Мамы здесь больше не было. А на её месте теперь были эти люди, этот запах чужой еды и этот поцелуй.

Я стояла посреди кухни, оглушенная чужим смехом, и понимала, моя жизнь изменилась навсегда. Безоблачное лето в Ягодной Пади осталось за поворотом дороги, а здесь началась новая, пугающая реальность, в которой мне предстояло стать взрослой гораздо быстрее, чем я планировала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.